

шой. пишу в поезде
итирован концы...
буду оформлять книгу
книгу за эти годы. Это
в Средней Азии с
до н.э. по X в. н.э.
готовы на 80%, но
это всё ещё и поправке,
55 п. л. из них 33 на са-
мбери. В Москве остаётся
а денс, узнать о возмож-
защитить докторской,
то ты мне помоги! Больше
дети на Антр адрес, я
люблю тебя и свои малыши
т.туда, как во сне...ух...
и за лаской, и за
маленькие осудить...
Тимоти побл Леви

Сергей Беляков

Гумилев

СЫН

Самая полная биография
Льва Гумилева

Гумилева

АСТ

Сергей Беляков
Гумилев
сын
Гумилева

Астрель
Москва

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2)6-8
Б44

Художник *Андрей Рыбаков*

Издательство благодарит за предоставленные материалы
Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург

Приносим также благодарность Гелиану Михайловичу Прохорову
за использование фотографий и писем из его личного архива

Беляков, С.С.

Б44 Гумилев сын Гумилева : [биография Льва Гумилева] /
Сергей Беляков. — М. : Астрель, 2012. — 797, [3] с.

ISBN 978-5-271-44967-3

Сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева, узник Норильска и Камышлага, переживший четыре ареста и два лагерных срока, солдат Великой Отечественной, участник штурма Берлина, Лев Николаевич Гумилев — историк с уникальной судьбой и странной, полной тайн и загадок личной жизнью. Гумилев писал в основном о Древнем мире и Средних веках, но созданная им теория лучше других объясняет сегодняшний день и позволяет прогнозировать будущее России и Европы, Китая и мусульманского мира. «Я только узнал, что люди разные, и хотел рассказать, почему между народами были и будут кровавые скандалы», — говорил Лев Гумилев. Его идеи необходимы нам сегодня, в эпоху нового переселения народов, во времена банкротства мультикультурализма и толерантности.

Эта книга — самая полная биография русского историка, основанная на обширном собрании документов и материалов, в том числе не публиковавшихся ранее.

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2)6-8

Подписано в печать 14.08.12. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 50. Тираж 3000 экз. Заказ №5133/12.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 - книги, брошюры

ISBN 978-5-271-44967-3

© Беляков С.С.
© ООО «Издательство Астрель»

лева своим «самым близким человеком» и своим «единственным наследником». Намерения Анны Андреевны сомнений не вызывают. А вот версия Анны Каминской и само ее исследование производит крайне неприятное впечатление.

Друзья Ахматовой упоминали имя Анны реже, чем имя ее матери, только Надежда Мандельштам заметила, что Каминская «хитрее и осторожнее» матери. Одно время Каминская будто бы уговаривала маму: «Пусть всё будет дяде Левочке», но в тяжбе против Гумилева Ирина и Аничка выступали единым фронтом. И почти сорок лет спустя после смерти Ахматовой Каминская даже не усомнилась в справедливости своих действий. Гумилев, единственный сын и наследник, был отстранен от ахматовского архива и не получил ни копейки за его продажу.

Не усомнилась Каминская и в справедливости завещания 1955 года, хотя оно вызывает в лучшем случае недоумение. Возможно, Чуковская, Герштейн и в особенности Мандельштам относились к Пуниной предвзято. Их словам можно не верить, но как не поверить фактам?

«КАКОЕ ЗЛОДЕЙСТВО...»

Еще за несколько лет до смерти Ахматовой Надежда Мандельштам, самый убежденный и последовательный противник Ирины и Ани, была уверена, что Пунина и Гумилев со временем будут судиться. Ее предсказание сбылось.

После смерти Ахматовой положение Пуниной и Каминской было незавидным: Лев Николаевич унаследовал всё — и деньги Ахматовой, и авторские права, и ее архив. Деньги Гумилев получил и потратил их на памятник Ахматовой. А вот рукописи законному наследнику так и не достались: весь архив Ахматовой Пунина и Каминская продали за приличные по советским понятиям деньги — 7818 рублей 45 копеек.

Гумилев собирался передать все бумаги Ахматовой в Пушкинский Дом за символическую плату (100 рублей). На его стороне было и большинство ахматовских друзей: Чуковская, Герштейн, Харджиев, Найман, Жирмунский, Мандельштам и даже Михаил Ардов (тяжба неожиданно разделила отца и сына — Виктор Ардов поддержал Пуниных). Но Лев Николаевич сделал

всё, чтобы проиграть «пунические войны». Поэтому Лидия Корнеевна и назовет его поведение «предательством». Я бы назвал это иначе: цепь ошибок.

Ошибка первая. Гумилев не стал заниматься архивом матери. Если бы он взялся сам разбирать бумаги Ахматовой, даже Пунины не смогли бы ему помешать. Он мог бы контролировать ахматовский архив, который «физически» находился в руках Пуниных (в их с Ахматовой квартире).

Ошибка вторая. Гумилев категорически отказал Эмме Герштейн, когда та предложила свои услуги в работе с архивом. Не стал он допускать к ахматовскому архиву Нику Глен и Анатолия Наймана, которых ему рекомендовали Лидия Чуковская и Мария Петровых. «...Бумаги будет разбирать Аня...» — отрезал Гумилев. Удивительная непоследовательность для человека, всегда презиравшего «подлую пунинскую породу»! Позднее Пунина и Каминская будут утверждать, что получили деньги не за продажу архива, а именно за работу с ним.

Чуковская прокомментировала решение Гумилева словами героини Островского: «Какое злодейство». Пунина и Каминская совершенно не знали издательского и архивного дела. Лидия Корнеевна была просто потрясена «темнотой», непрофессионализмом Пуниной: «...рукописи Анны Андреевны она не считает архивом (!). Архив — это письма к Анне Андреевне от читателей (!), подстрочники к переводам (!), чужие рукописи (!)». Не лучше была и Анна Каминская. После смерти Ахматовой «Лениздат» предложил Каминской взяться за составление и подготовку сборника прежде не публиковавшихся стихотворений Ахматовой. Но вскоре договор пришлось расторгнуть, потому что «по уровню своей квалификации Каминская оказалась не в состоянии должным образом подготовить рукопись».

Ошибка третья. Гумилев запретил включать Анатолия Наймана в комиссию по литературному наследству Ахматовой и вообще «подпускать к архиву», хотя Найман, один из самых близких к Ахматовой людей, был естественным союзником Гумилева.

Ошибка четвертая. Гумилев пренебрег советами Надежды Мандельштам, которая еще 14 марта 1966-го отправила ему пространное письмо с исключительно точным анализом сложившегося положения дел и ценными рекомендациями. Мандельштам предлагала Гумилеву приехать в Москву, чтобы «об-

судить дела по литературному наследству помимо комиссии». Но он не приехал.

Ошибка пятая. Гумилев вообще отказывался принимать услуги старых друзей Ахматовой и самонадеянно заявлял, что «уже сговорился с Пушкинским Домом». При этом договор с Пушкинским Домом он заключил еще до того, как истекли положенные для вступления в наследство шесть месяцев. Гумилев явно тяготился наследством и хотел сдать его государству как можно скорее.

Возможно, он совершил еще одну ошибку. Якобы 7 сентября 1966 года, то есть уже после договора с Пушкинским Домом, Гумилев в разговоре с Пуниной, Каминской и Мыльниковым, заведующим отделом рукописей Публичной библиотеки, согласился передать рукописи Публичной библиотеке. Более того, добавлял Мыльников, Гумилев будто бы сказал: «Деньги за архив выплатите этим двум женщинам». Сам Гумилев утверждал, что такого соглашения не было и быть не могло, но суд поверил Пуниной, Каминской и Мыльникову, хотя все трое были людьми заинтересованными — у всех троих были основания лгать и сочинять. Однако непоследовательное поведение Гумилева заставляет задуматься. Не мог ли он сказать что-то такое в спешке, желая отвязаться от надоедливых и совершенно чуждых ему людей, позабыв о договоре с Пушкинским Домом или не придав значения собственным словам? Все-таки вряд ли. Но полумифические слова Гумилева суд сочтет «устным соглашением», которое имеет юридическую силу.

Пунины продали бумаги Ахматовой в отдел рукописей Государственной публичной библиотеки и в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Случилось то, чего больше всего боялись: архив Ахматовой был разделен. Зато Пунина и Каминская, по советским меркам, стали обеспеченными дамами: ЦГАЛИ выплатил им 4500 рублей, Публичная библиотека — 3318.

«Бедная мама! Она так беспокоилась о “своих бумажках”, а то, что вышло с ними, пожалуй, наихудшее из всего», — писал Гумилев Эмме Герштейн.

Публичная библиотека и Центральный государственный архив литературы и искусства, вероятно, были не худшими хранителями архива Ахматовой, чем Пушкинский Дом. «...Интересы рус-

ской культуры в данном случае совпали с Вашими интересами», — писал Пуниной и Каминской Юлиан Григорьевич Оксман, неожиданно выступивший на их стороне. Против ЦГАЛИ в принципе не возражала и Лидия Чуковская. Плохо другое — разделение архива, проблема, совершенно не волновавшая Пуниных.

Только 21 ноября, когда часть архива уже была продана, а Ирина получила от Публичной библиотеки первый транш (600 рублей), Пушкинский Дом подал иск к Ирине Пуниной, а Гумилев «вступил в процесс в качестве третьего лица на стороне истца».

«Пунические войны» тянулись дольше трех лет, ожесточение достигло такой степени, что в письмах и разговорах их участников всё чаще стали встречаться военные, фронтовые слова: «Огромные победы на ахматовском фронте», — записывала Лидия Корнеевна Чуковская в декабре 1966-го. Неделю спустя академик Жирмунский, Найман и Михаил Ардов наконец «пробились в крепость», то есть в квартиру Пуниных.

Увы, несмотря на отдельные, и весьма значительные, успехи антипунинской коалиции, «враг» не был разбит. Не помогли ни квалифицированные юристы (Анатолий Лукьянов, будущий председатель Верховного Совета СССР, и ленинградский правовед, доктор наук Юрий Кириллович Толстой), ни друзья Ахматовой — при странном и непоследовательном поведении Гумилева до конца стоявшие на его стороне.

Почему же Лев Николаевич вел себя так странно? Почему проиграл такое верное дело, почему сразу не воспользовался помощью, которую ему предлагали?

Для Пуниной, Каминской, Герштейн, Чуковской, Жирмунского, Оксмана архив Ахматовой был величайшей ценностью, и только для Гумилева — обузой.

Тяжба тянулась с 1966-го по 1969-й, а все его силы и время поглощала наука. Вспомним письмо Н.Я.Мандельштам. Оно датировано 14 марта 1966 года. Через пару дней она ждала Гумилева у себя, но как раз 16 марта 1966 Гумилев выступал с докладом на чтениях памяти академика Л.С.Берга. Через два месяца, 19 мая 1966-го, Гумилев выступил на заседании отделения этнографии Географического общества с еще одним, на этот раз программным докладом «Этнос как явление». В этом же 1966-м Гумилев впервые в жизни поехал на международный симпозиум в Прагу.

Во второй половине шестидесятых Гумилев завершал работу над пассионарной теорией этногенеза, занимался не только любимыми историей и географией, но и головоломными для гуманитария системологией, биологией и биофизикой, консультировался у Бориса Кузина в Институте биологии внутренних вод, у Тимофеева-Ресовского в Институте медицинской радиологии АМН СССР, ездил на Шелковское городище проверять свою гипотезу о Семендере.

Если бы рядом с ним была верная и грамотная помощница, вроде той же Эммы Герштейн, он не проиграл бы процесса. Но Наталья Викторовна не разбиралась в литературоведении. Когда ей представили Льва Николаевича как сына Ахматовой и Николая Гумилева, это не произвело на нее впечатления.

Наконец, как раз в годы «пунических войн» Гумилев женился. А пока он занимался исследованиями и сватался к Наталье Викторовне, Пунины договаривались о продаже архива.

P.S.

За научными исследованиями и тяжбой с Пуниными Гумилев не забыл о своем долге перед матерью.

В день похорон на могиле Анны Андреевны поставили простой деревянный крест. Гумилев решил поставить более солидный памятник. Ленинградскому скульптору Игнатьеву он заказал мраморный барельеф Ахматовой, а псковскому художнику, реставратору и кузнецу Смирнову — большой металлический крест. Всеволод Смирнов сделал крест и припаял к нему свинцового голубя. Символика понятна. Смирнов заявил Гумилеву, что сын должен непременно сам принести крест на могилу матери. Гумилев сам протащил по кладбищу в Комарове тяжелый крест и установил его над могилой. Крест он вкопал глубоко, накрепко.

ЧАСТЬ XII

ЧТО ТАКОЕ ЭТНОС?

Когда меня спрашивают, что же ценнее всего в научном наследии Гумилева, я не раздумывая отвечаю: пассионарная теория этногенеза и связанная с ней теория межэтнических контактов. Четырнадцать статей Гумилева, напечатанные «Вестником ЛГУ» с 1964-го по 1973-й, составили цикл «Ландшафт и этнос», девять из них посвящены теории этногенеза. В 1968-м, в разгар работы над теорией, Гумилев писал своему хорошему знакомому, биологу Б.С.Кузину: «...инкубационный период у меня кончился, и я просто оформляю мои мысли в статьи...»

Пассионарная теория этногенеза должна была ответить на три вопроса: 1. Что такое этнос и какое место он занимает в историческом процессе? 2. Какие законы определяют появление и развитие этноса? 3. Как этносы взаимодействуют между собой?

Греческое слово «этнос» Гумилев использовал вместо более распространенного латинского слова «нация» (“*natio*”, “*nation*”) как менее политизированное. Термин «этнос» был и универсальным, и нейтральным, и сугубо научным.

Что делает русского русским, грузина грузином, чеченца чеченцем? Обыватель ответит: язык, или происхождение («кровь»), или культура, или «национальный характер» (он же «психический склад»). Но ученый возразит: русские дворяне во времена

Александра I говорили друг с другом по-французски, по-французски читали, по-французски писали письма своим друзьям, женам и любовницам, некоторые вовсе не знали русского языка, однако оставались все-таки русскими людьми. Фридрих Великий тоже предпочитал говорить на французском, но тем не менее стал национальным героем Германии.

Общее происхождение — тоже миф, ведь почти все народы — результат этнического смешения. Многие русские дворянские фамилии имеют немецкое, польское, литовское, татарское происхождение. Предками французов были не только галлы, но и аквитаны, лигурийцы, римские колонисты, германоязычные франки и бургунды. Англичане, итальянцы, испанцы, немцы — все происходят от смешения разноязыких племен.

Многочисленный и «цивилизованный» этнос редко отличается общностью культуры: «Люди, которых мне приходилось встречать, отделены друг от друга почти непереходимыми расстояниями; и, живя в одном городе и одной стране, говоря на почти одинаковых языках, так же далеки друг от друга, как эскимос и австралиец», — заметил русский писатель и парижский таксист Гайто Газданов, сравнивая жизнь французских пролетариев и французских интеллектуалов в двадцатые—тридцатые годы XX века. А ведь французы того времени — одна из самых консолидированных наций Европы. При Старом порядке (до Великой французской революции) культурные различия между сословиями были гораздо значительнее.

Про общность психического склада говорить просто смешно. Какая общность психики может быть между футболистом и профессором математики? Между атеистом и религиозным фанатиком? Между мужчиной и женщиной, наконец?

Но если не один признак, то, может быть, комплекс признаков создает этнос? Поиску этой комбинации признаков посвящены почти все исследования по теории этноса. Как средневековые алхимики пытались из ртути, серы и мышинового помета синтезировать золото, так этнологи, историки, антропологи и даже политики (например, И.В.Сталин) искали формулу нации, соединяя признаки более или менее произвольно.

В 1968 году, когда в печати уже появилось несколько важных теоретических статей Гумилева, Тимофеев-Ресовский тщетно пытался «выжать» из него четкое определение этноса. Гумилев

же давал только первичное определение: «вид, порода», «форма существования вида *homo sapiens*», в сущности, повторяя определение С.М.Широкогорова, который, собственно, и ввел в отечественную науку понятие «этнос».

О своем открытии пассионарности Гумилев рассказывал едва ли не в каждом интервью, но о поисках «формулы» этноса, о ходе научной мысли он почти не рассказывал, да его и не спрашивали — слишком сложная тема. Не зря бóльшая часть трактата «Этногенез и биосфера Земли» посвящена не пассионарности, а свойствам этноса.

Гумилев действовал методом исключения. Еще в апреле 1964 года он принес в редакцию «Вестника ЛГУ» статью под скромным и сугубо научным названием «По поводу предмета исторической географии» (опубликована в 1965-м). В этой статье Гумилев последовательно разобрал все существующие подходы к этнической идентичности и доказал, что они никуда не годятся, но этнос тем не менее реальность, с которой исследователь должен считаться: «...постоянным, обязательным признаком народности является личное признание каждой особи: “Мы такие-то, и все прочие люди не такие” — например, эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы и ху (все не китайцы). Это явление противопоставления одинаково характерно и для англичан, и для масаев, для французов и ирокезов. Явление это отражает какой-то физический эффект, имеет физический смысл...».

Физическая реальность. Этнос есть, но мы пока не можем сделать его научное описание. Поэтому Гумилев и ограничивается самым общим, первичным определением: этнос — форма «существования вида *homo sapiens*», «коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что и составляет проблему этногенеза».

17 февраля 1966 года Гумилев сделал доклад «О термине “этнос”» на заседании Отделения этнографии Географического общества СССР. Мы не знаем о реакции слушателей, но его публикация станет одной из самых цитируемых статей Гумилева в отечественной этнографической литературе.

В советской науке, несмотря на общепринятый материализм, уже тогда всё большее значение придавали национальному или

этническому самосознанию. В восьмидесятые годы этот подход восторжествует совершенно. Он господствует и теперь. Самосознание народа с этой точки зрения отражается прежде всего в самоназвании. Гумилев же доказывал в своем докладе, что этнос нельзя путать с этнонимом, и приводил несколько примеров несоответствия этноса и его названия. В VII веке до н.э. римлянами называли себя жители небольшого полиса в области Лациум. Но уже в I веке до н.э., после Союзнической войны, право римского гражданства и название «римляне» распространилось почти на всех жителей Италии, включая прежних злейших врагов Рима — самнитов, этрусков, цизальпийских галлов. А после эдикта Каракаллы (212 год н.э.) римлянами начали называть всех подданных империи, включая египтян, евреев, кочевников Северной Африки и даже германцев, если они были римскими гражданами. Завоеватели-франки называли римлянами романизированных жителей Галлии, а после исчезновения Западной Римской империи римлянами (ромеями) продолжали себя называть жители Византии, хотя даже латынь в их стране вытеснил греческий. Еще забавнее и убедительнее другой пример из статьи Гумилева: «...слово “татар” как синоним слова “монгол” попало в Восточную Европу и привилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато потомки первоначальных носителей этого имени стали именовать себя монголами. С этого времени возникла современная научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть “монголоидным”, а язык поволжских тюрков-кипчаков — татарским языком».

Нужно было найти какой-то новый подход, и Гумилев его предложил всё в том же февральском докладе 1966 года. На этот раз Гумилев отказывается от своей любимой дедукции и начинает, как и положено настоящему историку, не теоретизировать, а изучать, описывать этнос. Так он обращает внимание на важное свойство этноса/нации — неоднородность, иерархичность.

Деление некоторых этносов на рода и племена хорошо известно, и Гумилев считал его не признаком «отсталости», «архаичности», а важнейшей силой, скрепляющей единство народа: «Деление этноса на племена несет функцию скелета, на кото-

рый можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу...» Только сейчас, наблюдая жизнь ингушей и чеченцев в России или арабов и берберов во Франции, мы можем оценить, как прав был ученый.

Родовой строй делает этнос устойчивее. Но и народы, его лишенные, имеют сложную внутреннюю структуру: «...внутриэтническое дробление есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость...» Позднее в статьях цикла «Ландшафт и этнос» Гумилев разработает целую систему этнической иерархии: консорции/конвиксии — субэтноты — этноты — суперэтноты. Умозрительный и, в сущности, фашистский идеал нации-монолита бесконечно далек от исторической реальности. Этнос разнообразен, и чем сложнее этническая система, тем она устойчивее.

ЭТНОС КАК СИСТЕМА

В своем февральском докладе Гумилев отнес этнос к явлениям природы, но не биологическим, а географическим. Сделать следующий и, возможно, важнейший шаг Гумилеву поможет как раз биолог, заведующий кафедрой генетики и селекции ЛГУ, автор первого в советской России современного учебника генетики Михаил Ефимович Лобашев.

Всякое живое существо, будь то котенок, щенок, слоненок или ребенок, появившись на свет, начинает приспосабливаться к окружающей среде. Родители его воспитывают и обучают. Кроме папы и мамы обучают родственники, старшие товарищи, друзья, воспитатели детского садика, школьные учителя и так далее. В обществе всё это называется социализацией и передачей традиции, а Лобашев назвал — сигнальной наследственностью, характерной и для животных, и для человека. Гумилев применил идею Лобашева к теории этноса.

Новорожденный младенец не принадлежит еще ни к одному этносу, ни к одной нации, но с первых же дней жизни начинается его социализация: «В Полинезии учат плавать, в Сибири — ходить на лыжах, в древней Монголии — стрелять из лука и ездить верхом, в Европе — грамоте, чтобы человек читал газеты и принимал “профилактические меры” для избавления себя

ЭТНИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ В ТЕОРИИ Л.Н.ГУМИЛЕВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Консорции — группы, объединенные общностью исторической судьбы, общностью интересов и какой-либо целью.

Конвексии — группы, объединенные общностью быта и семейными связями на протяжении нескольких поколений.

Субэтнос — подсистема этноса, которая выделяется своим стереотипом поведения и комплиментарностью, положительной к своим, отрицательной к чужим.

Этнос — «устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплиментарности, и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени. <...> Стереотип поведения служит фундаментом этнической традиции, включающей в себя культурные и мировоззренческие устои, формы общежития и хозяйства, имеющие в каждом этносе свои неповторимые особенности».

Суперэтнос — «группа близких между собой этносов», обычно сопоставляется с известными задолго до Гумилева «цивилизациями», «культурными мирами», «культурно-историческими типами».

ВОПЛОЩЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Фанатские группировки, банды, творческие объединения, политические партии.

Сельские общины, городские «сотни», слободы, большие семьи.

Донские, кубанские, терские казаки, сибиряки, поморы.
Один из субэтносов может занимать господствующее положение в этнической системе. Например, на Украине XX века господствующим субэтносом стали «западенцы».

Русские, украинцы, французы, немцы, англичане, монголы и др.

Западноевропейский, российский, мусульманский, индийский и др.

от неприятностей. Поведение, т.е. способность приспособить организм к новым условиям, рассматривается как результат биологического признака — способности к изменчивости».

Еще в Камышлагге Гумилев сделал интересное наблюдение: простые ээки, не изучавшие этнографии, не знакомые с теоретическими взглядами, допустим, С.М.Широкогорова, первого теоретика этнологии, тем не менее легко определяли этническую принадлежность солагерников. Причем никогда не путались. Узнавали друг друга и отделяли своих от чужих.

Из интервью Льва Гумилева журналу «Юность»: «Был у меня такой приятель, харбинский метис: отец у него был китаец, а мать русская. Но мы называли его “белый комсомолец”: нравы и обычаи у него были такие же, как у наших комсомольцев, вел он себя совершенно так же, но только вместо “Капитала” Маркса читал Блаватскую и Папюса, мистические книги. Но как наши студенты сдают “Капитал” и ничего себе не оставляют, так и он ничего не знал. И пришли ко мне китайцы и спрашивают: “Как вы считаете, он ваш или нет?” Я подумал-подумал и говорю: “Наш, конечно, а то, что отец — китаец, это не имеет никакого значения. Он так же ругается, как мы все, так же филонит на работе, как мы все, так же стихи читает. Мы его считаем за своего”. А те говорят, что не считают его за своего, хотя по закону, раз он сын китайца, должен быть китайцем»*.

* Кажется, одним из первых с Гумилевым согласился Николай Васильевич Глотов, ученик Тимофеева-Ресовского. В сентябре—октябре 1968-го Глотов впервые в жизни побывал в Восточной Германии и написал о своих наблюдениях Гумилеву. Эти наблюдения так интересны, что не удержусь от цитаты:

«Глядя на немцев, я сделал такой вывод: “каждый из них (почти каждый) мог бы быть русским, но все вместе они — немцы”. <...> Вся жизнь строится на великом множестве мелких несходств. Вотходишь в автобус — и начинается... если есть свободное место, ты обязан (здесь и далее подчеркнуто Глотовым. — С.Б.) сесть; обращаясь к кондуктору, не можешь не добавить “пожалуйста”... отсутствие “пожалуйста” — катастрофа... никто не передаст деньги на билет... никто не “готовится” к выходу... Каждая из мелочей в отдельности — пустяк, зная о нем, ничего не стоит сделать “как все”. Но всех мелочей узнать нельзя. Поэтому довольно скоро заметишь, что “что-то” не так, потом доброжелательно спросят: “Иностранец?”»

Что отделяет одну нацию от другой? Где барьер? «Барьер — тысяча мелочей... а совокупность их, наверное, называется поведением. Вот она — сигнальная наследственность!» — писал Н.В.Глотов.

Этнос — не сборище похожих друг на друга людей, а сложная система, объединенная системными связями. Гумилев, только припоминая лагерные встречи с китайцами, персами, узбеками, евреями, шугнанцами, мог бы сделать такой вывод. Но для его развития ему понадобился системный подход, который в шестидесятые годы уже довольно хорошо знали биологи, а гуманитарии стали в нем только-только разбираться.

Основоположником системного подхода считается биолог Людвиг фон Берталанфи, хотя за четверть века до Берталанфи к теории систем вплотную подошел известный русский философ-марксист, революционер, основатель и первый директор Института переливания крови Александр Александрович Богданов. В 1912 году Богданов опубликовал свою работу «Тектология: всеобщая организационная наука», которая долгое время оставалась незамеченной.

Гумилев читал не только Берталанфи, но и советских философов Э.Г.Юдина и В.Н.Садовского, подготовивших к печати сборник «Исследования по общей теории систем». Он изучал и охотно цитировал и сочинения биолога Александра Малиновского, сына Богданова, переводя научные абстракции на привычный для гуманитария образный язык — вероятно, чтобы понятнее было не только оппоненту и ученому читателю, но и себе самому:

«Простейшая система — семья состоит из мужчины и женщины и держится на их несходстве. Усложненная система — этнос или суперэтнос также держится не на сходстве входящих в него людей, но на устойчивости характера и направления закономерного, поддающегося моделированию изменения связей».

В конце семидесятых в трактате «Этногенез и биосфера Земли», разъясняя для простых читателей и ученых-гуманитариев сущность системного подхода, Гумилев снова приводил простой и всем понятный пример:

«Элементы системы: члены семьи и предметы их обихода, в том числе муж, жена, теща, сын, дочь, дом, колодец, кошка. Они составляют семью до тех пор, пока супруги не разведутся, дети не отколются, начав зарабатывать сами, теща не разругается с зятем, колодец не зацветет и кошка не заведет котят на чердаке. Если после этого они останутся в доме, хо-

тя бы туда даже провели водопровод, это будет не семья, а заселенный участок, т.е. все элементы живой и косной природы останутся на месте, но система семьи исчезнет. <...> Реально существующим и действующим фактором системы являются не предметы, а связи, хотя они не имеют ни массы, ни заряда, ни температуры».

Система отличается от простой совокупности, как готический собор — от груды кирпичей. Как роман Диккенса — от набора букв латинского алфавита.

Системный подход позволил Гумилеву объяснить этническую иерархию и, главное, определить, что связывает людей в этносе: «...этнос — не простое скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а целостность различных по вкусам и способностям людей, продуктов их деятельности, традиций, географической среды...»

Роль системных связей в этносе исполняет этническая традиция. Как человек адаптируется к своему окружению и природной среде, так и этнос адаптируется к ландшафту, приспособливает его к своим нуждам, но и сам неизбежно приспособливается к ландшафту, приспособливается к этническому окружению. Так создается этническая традиция, создается и сам этнос. Этнос объединен этнической традицией, а не расовой общностью, не языком, даже не культурой, хотя язык и культура играют свою роль в создании системных связей.

В конце жизни, работая вместе со своим учеником Владимиром Мичуриным над словарем пассионарной теории этногенеза, Гумилев окончательно сформулирует понятие этнической традиции: «Иерархия стереотипов и правил поведения, культурных канонов, политических и хозяйственных форм, мировоззренческих установок, характерных для данного этноса и передаваемых из поколения в поколение. Накопленной этнической традицией, по сути дела, и определяется своеобразие каждого этноса, его место в ряду других народов».

Но традиция меняется, как меняется сам этнос. Одна из программных статей Льва Николаевича даже называется: «Этнос: состояние или процесс?» Разумеется, процесс, доказывает Гумилев.

ЭТНОГЕНЕЗ

В науке тогда господствовали взгляды на этногенез, сложившиеся еще в XIX веке. Становление и развитие народа подменялось становлением и развитием языка.

Но глоттогенез (происхождение языка) и этногенез (происхождение народа) — не одно и то же. В истории известны случаи, когда народ меняет родной язык. Тур Хейердал как-то заметил, что афроамериканцы происходят все-таки из Африки, «а не из Англии, как можно было бы считать по их речи».

В сороковые годы XIX века этнограф и путешественник Матиас Кастрен начал изучать язык тунгусов (эвенков) в селении Урульга. Семьдесят лет спустя его исследования продолжил Сергей Михайлович Широкогоров. И оказалось, что всего за семьдесят лет тунгусы Урульги забыли свой язык и перешли на бурятский, а самоназвание сменили с «эвенков» на «хамнаган». Если столь радикальные перемены случились за два-три поколения, то что же произойдет спустя две-три тысячи лет?

В VII веке до н.э. на латыни говорило население Лациума — небольшой области в центре Италии. Со временем носители языка настолько преуспели в завоевательных войнах, что создали огромную империю, простиравшуюся от Британии до Палестины. Латынь в этой империи, естественно, была государственным языком.

После распада империи население не только Италии, но и Галлии, Аквитании, Иберии продолжало общаться на общепринятой латыни, правда, изрядно испорченной. При этом потомки галлов, аквитанов, лигуров, басков не состояли в родстве с настоящими римлянами, а лигуры, аквитаны и баски даже не были индоевропейцами.

В Средние века на французском, окситанском, испанском, каталанском, то есть на разных вариантах испорченной латыни, заговорили народы, генетически с римлянами не связанные, а лишь приобщившиеся к римской культуре.

В XVI веке испанцы и португальцы завоевали Южную Америку. Они принесли с собой вирус оспы, огнестрельное оружие, католическую религию и романскую речь. В результате не только креолы, но даже индейцы, метисы и потомки вывезенных из

Анголы чернокожих рабов заговорили на испанском и португальском.

Евреи в разных странах говорят на разных языках. Иврит относится к семитской группе афроазийской (семито-хамитской) языковой семьи, идиш — к германской группе индоевропейской языковой семьи, горские евреи Дагестана говорят на языке, близком к персидскому.

Плоттогенез только вводит историка в заблуждение, а потому Гумилев его решительно отбросил и начал изучать только тот период этнической истории, что был более или менее освещен письменными источниками. Сам же термин «этногенез» Гумилев переосмыслил. Сложившись однажды, этнос не остается неизменным. Этнос живет, непрерывно развивается, меняется от поколения к поколению, от одной исторической эпохи к другой. Поэтому логично называть этногенезом жизнь этноса от появления до исчезновения.

ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА

«Гумилев буквально переносит законы развития организма на этногенез», — пишут критики пассионарной теории этногенеза. Но ведь природные процессы имеют начало и конец, каждая система, исчерпав ресурсы для развития, гибнет. Разрушаются горы, пересыхают реки, даже звезды не живут вечно, так неужели могут вечно существовать народы и государства? Сама идея о «старых» и «молодых» народах появилась задолго до Гумилева. Я говорю даже не о книгах Шпенглера и Данилевского. В XIX веке туманные и расплывчатые представления о «старых» и «молодых» нациях были распространены широко не в науке, а в обществе. Герой Лескова смеялся над «тысячелетней молодостью» русского народа, Лермонтов писал о «дряхлом» Востоке.

Теория Гумилева намного основательнее и сложнее. Гумилев сравнивал возраст этноса с возрастом человека, когда хотел доказать свою мысль с помощью красивого и убедительного примера, иллюстрации, не более. Сами «возрасты» этноса Гумилев выделял постепенно, и аналогии с возрастными периодами человека здесь особой роли не играли.

19 мая 1966 года Гумилев выступил в Географическом обществе с докладом «Этнос как явление». Гумилев говорил, что многие этносы не занимаются преобразованием природы, а мирно сосуществуют с ней, встраиваясь в существующий ландшафт. Другие этносы, напротив, ландшафт преобразуют. Но интереснее другое: один и тот же народ в течение нескольких столетий занимается преобразованием природы, а потом веками только поддерживает созданный антропогенный ландшафт. Шумеры осушили болота в южной Месопотамии, провели к полям оросительные каналы и стали получать огромные урожаи ячменя. Так же действовали жители Древнего Египта в долине Нила. Но, преобразовав ландшафт за несколько столетий, они перестали его менять и только поддерживали — чистили русла каналов от аллювия и песка, чинили дамбы: «...мы натолкнулись на новое, до сих пор не учтенное явление: изменение природы не результат постоянного воздействия народов на нее, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов», — делал вывод Гумилев.

На следующий год, 7 апреля 1967-го, в своем новом докладе «Этнос и категория времени» Гумилев обратил внимание на давно известный этнографам феномен: некоторые, в основном «отсталые» народы, не ведут привычного нам линейного счета времени, так как просто не видят в нем смысла. Им хватает фенологического или циклического календаря, отражающего смену времен года, а некоторые племена обходятся и вовсе без отсчета времени, потому что живут в стабильных климатических условиях, например в субэкваториальных лесах Новой Гвинеи.

Значит, в истории этноса возможны два состояния, две фазы: творческое (динамичное, историческое) и застойное (стабильное). Гумилев, охотно принимавший не только географическую, но и биологическую терминологию, назвал такие «застойные» этносы «персистентами», от латинского *persisto* — упорствовать, а позднее стал использовать еще один биологический термин — «гомеостаз»: состояние неустойчивого равновесия с природной средой. У персистентных (гомеостатичных) народов этническая традиция меняется очень медленно, потому что новые поколения стараются воспроизводить образ жизни своих отцов и де-

дов. Правда, необходимость приспособливаться видоизменяет даже их этническую традицию. Так, благодаря влиянию русских купцов и крестьян-переселенцев охотничьи племена Сибири научились стрелять из ружей и пить водку. Последнее вряд ли можно считать достижением, но ведь развитие этноса — это не путь от низшего к высшему.

В 1970 году в своей программной статье «Этногенез и этносфера» Гумилев выделил уже не две, а четыре фазы развития этноса: исторического становления, исторического существования, исторического упадка, исторических реликтов. Последняя фаза и представляет собой этнос-персистент. Эта схема слишком напоминает четыре «сезона» культуры Шпенглера. Но в 1979-м в трактате «Этногенез и биосфера Земли» количество фаз этногенеза возрастет до шести-семи, а в словаре понятий и терминов пассионарной теории этногенеза, составленном в конце восьмидесятых Л.Н.Гумилевым и его учеником В.А.Мичуриным, — до семи-восьми. И это не предел дробления, потому что в классификации надо учитывать и переходы между фазами, у них ведь своя специфика.

У динамичного народа традиция меняется каждое поколение. Поэтому «люди сороковых годов» так не похожи на «шестидесятников». Со временем изменений накапливается всё больше. Народ, непрерывно развиваясь, меняется до неузнаваемости: «Разве можно узнать потомка свирепого сакса, убивавшего кельтских ребятишек, в веселом браконьере Робин Гуде или стрелке из “Белого отряда”, а его прямого потомка — в матросе-корсаре Фрэнсиса Дрейка или в “железнобоком” солдате Кромвеля? — писал Гумилев в трактате “Этногенез и биосфера Земли”. — А их наследник — клерк лондонского Сити, то аккуратный и чопорный в Викторианскую эпоху, то длинноволосый декадент и наркоман XX века? А ведь Англия всегда была страной консервативной. Что же говорить о других этносах, на облик которых влияет не только внутреннее развитие, но и посторонние воздействия — культурные заимствования, завоевания, влекущие за собой принудительные изменения обычаев...»

Изменения происходят на глазах историка. В тридцатые годы немцы считали себя «высшей расой», стремились расширять

ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА
ПО ОСНОВНЫМ СОЧИНЕНИЯМ Л.Н.ГУМИЛЕВА

«Этногенез и этносфера» (1970)	«Этногенез и биосфера Земли» (1979)	Словарь понятий и терминов по теории этногенеза Л.Н.Гумилева (конец 1980-х)
Фаза исторического становления	Фаза подъема (делится на этапы: 1. Скрытый и 2. Явный подъем)	Фаза подъема
Фаза исторического существования	Акматическая фаза («пассионарный перегрев»)	Акматическая фаза («пассионарный перегрев»)
Кризис фазы исторического существования	Фаза надлома	Фаза надлома
	Инерционная фаза	Инерционная фаза
Фаза исторического упадка	Фаза обскурации	Фаза обскурации
Фаза исторических реликтов	Мемориальная фаза (делится на этапы: 1. Регенерация и 2. Реликт)	Фаза регенерации
	Гомеостаз	Мемориальная фаза
		Этнический гомеостаз

«жизненное пространство» за счет чужих земель, не терпели рядом с собой даже евреев, цивилизованных и лояльных «чужаков», давно адаптировавшихся к немецкой культуре.

Их внуки стали мирными и толерантными людьми, которые всё чаще называют себя даже не немцами, а просто европейцами. Они терпят в своей стране даже не очень лояльных инородцев, совершенно чуждых традициям европейской цивилизации. Немецкие женщины предпочитают лет до сорока развлекаться и детей не заводить или ограничиваться одним ребенком. Немецкие мужчины миролюбивы, они если и воюют, то под чужим, преимущественно американским командованием, и делают это крайне неохотно. А ведь метаморфоза заняла всего-навсего несколько десятилетий.

Казаки в XVII веке были неукротимыми головорезами, которые без поддержки государства не только отнимали лучшие земли у воинственных кавказских народов, но даже самостоятельно воевали с могущественной Османской империей и захватывали крепости, которые не могли взять регулярные войска царя московского. В XIX веке терские казаки вели постоянную войну с соседями-чеченцами, причем сражались на равных. Но уже в начале XX века положение дел переменилось. В январе 1919 года белогвардейский полковник И.Н.Беликов в докладной записке А.М.Драгомирову, помощнику главнокомандующего Добровольческой армией, сообщал, что казаки «трусливы, много пьянствуют, очень богаты. Никакой власти у казаков ни общей, ни в станицах... их начальники не приказывают, а только просят». В августе 1918 года ингуши разбили казаков, уничтожили Тарский хутор и предъявили Сунженской, Тарской и Аки-Юртовской станицам ультиматум: выселиться за Терек. Сроку им дали — два дня. И казаки покорно выселились, а соседи из Карабулакской и Слепцовской станиц не вступились за соплеменников. В наши дни оставшиеся на Северном Кавказе казаки горько сетуют, что государство не помогает им отстоять свою землю, не защищает, а сами они защищаться давно разучились.

Какая же сила так меняет этнические традиции народов, а значит, и сами народы? Гумилев бы ответил: англичане, немцы, французы, казаки растратили свою пассионарность.

ПАССИОНАРИИ, ГАРМОНИЧНЫЕ ЛЮДИ,
СУБПАССИОНАРИИ

Самое корректное определение пассионарности выглядит так: «активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради этой цели».

В статье «Этногенез и этносфера» и в трактате «Этногенез и биосфера Земли» Гумилев описал пассионарность на нескольких ярких исторических примерах, которые слишком известны, чтобы на них останавливаться. Желаящий всегда достанет книгу Гумилева и прочитает. Отмечу главное: Гумилев обратил внимание, что деятельность Наполеона, Суллы, Жанны д'Арк, Александра Македонского, Ганнибала невозможно объяснить рациональными, то есть корыстными мотивами, как привыкли объяснять всё и вся не только обыватели, но и ученые-обществоведы: «С точки зрения личных интересов Ганнибала, война была ему не нужна. <...> Ведь если бы шальная стрела попала в грудь карфагенского полководца, то его смерть не компенсировала бы никакая военная добыча, тем более что в деньгах он не нуждался. <...> Ради личной выгоды Ганнибал должен был сидеть в своем Гадесе и развлекаться; карфагенские старейшины должны были бы всеми силами поддерживать своего полководца; нумидийские всадники — дезертировать, чтобы не погибнуть за ненавистных карфагенских колонизаторов; испанские прашники — восстать и вернуть свободу. А всё было наоборот!»

Биографии ярких и хорошо известных читателю персонажей всемирной истории ввели в заблуждение даже ученых читателей Гумилева. Михаил Илларионович Артамонов решил, что его ученик всего-навсего возродил старую «теорию героя и толпы». На самом деле пассионарная теория этногенеза не имела с ней ничего общего. Пассионарии не обязательно «великие личности», потому что пассионарность может сочетаться как с выдающимися способностями (у художников, писателей, ученых), так и со средними и даже невысокими. Пассионарии — просто «активные люди», которые чаще всего «находятся в составе масс», — сказал Гумилев в одной из своих лекций.

Без пассионарности практически невозможно творчество — как научное, так и литературное, потому что творческая работа

требует длительного волевого интеллектуального и эмоционального напряжения (в терминологии Гумилева — «сверхнапряжения»). Исаак Ньютон, отдавший науке и богословию все силы и всё время и больше ничем не интересовавшийся, был для Гумилева примером крайне высокой степени пассионарности.

Творчество требует жертвенности, пусть жертвой будет не жизнь и здоровье, а просто отказ от ближайших потребностей, не обязательно жизненно важных. В «Даре» Набокова есть замечательный фрагмент: литератор Годунов-Чердынцев, прежде чем пойти на маскарад, где его ожидало свидание с любимой, решил вычеркнуть одну из написанных им ранее фраз. Он задержался, сел за письменный стол и... за работой забыл о свидании. Приятный вечер не состоялся, зато была дописана книга.

Талантливый, но не пассионарный писатель с трудом может сосредоточиться на работе, ведь вокруг много соблазнов, отвлекающих от тяжелого, нервного, часто неблагодарного труда. С.А.Герасимов вспоминал, как признанный стилист советской литературы, король метафор Юрий Олеша приезжал в Одессу «с намерением писать, писать, писать, но писал мало, потому что вокруг было столько друзей и искушений. Спуститься в ресторан... где подавали вкуснейшие киевские котлеты... где можно было сидеть не торопясь... и говорить, говорить...»

Но и за письменным столом Олеша не мог сосредоточиться на работе: «Пишу эти строки в Одессе, куда приехал отдыхать от безделья. <...> Когда работа удается, усидеть на месте трудно. Странная неусидчивость заставляет встать и направиться на поиски еды, или к крану напиться воды, или просто поговорить с кем-нибудь. <...>

Моя деятельность сводится сейчас к тому, что в течение дня я заново на бумагу две-три строчки размышлений. <...> Эта деятельность... составляет по величине не больше, чем, скажем, записки Толстого не то что в дневниках, а в той маленькой книжечке, которую он прятал от жены. А где же моя «Анна», мои «Война и мир», мое «Воскресенье» и т.д.? Надо всё это обдумать и сделать выводы». И за этими грустными размышлениями следует строчка, на мой взгляд, объясняющая всё: «Только что ел пломбир».

Вот он, ответ! Олеша был не способен сконцентрироваться на работе и отказаться ради нее даже от небольшого удовольствия.

Он сам назвал свое состояние «болезнью», с которой нельзя писать. Хотя это была не болезнь, а нормальный уровень пассивности, характерный для большинства гармоничных людей.

Нормальные, гармоничные люди (обыватели) могут быть умнее и талантливее пассивариетов, а могут уступать им в способностях. Они достаточно активны, чтобы, скажем, получить хорошую профессию и честно трудиться на благо себе и обществу, завести семью, обеспечить детей. Нормальное, процветающее общество — царство обывателя. Такой страной была, например, Сербия конца XIX — начала XX веков. Современный российский историк Андрей Шемякин назвал ее «раем для маленького человека». «В этой стране... нет бедных и... нищих; нет безземельных, как нет и крупных землевладельцев», — писал русский посол Н.В.Чарыков в 1901 году. В стране, только что освободившейся из-под турецкого ига, утвердился демократический конституционный режим: «Народ управляется сам собой, через своих представителей, которых избирают все, платящие налоги. Демократия, которую в других местах приходилось устанавливать путем силы... здесь существует как древнее учреждение и унаследованный обычай», — писал в те же годы бельгийский путешественник.

Но есть и еще один тип людей — субпассивариетии. Субпассивариетность — невозможность полноценно адаптироваться к среде (окружающей природе и обществу) из-за низкой активности, неспособности «сдерживать инстинктивные вожделения», «паразитизма», «нежелания заботиться о потомстве». Люди такого склада хорошо известны современному читателю и зрителю не столько из научных монографий, посвященных исследованиям люмпен-пролетариата и разнообразных «отбросов общества», сколько из выпусков криминальной хроники, где корреспонденты так любят смаковать уродливую, но по-своему живописную жизнь мелких уголовников и бомжей.

В старых этносах-реликтах субпассивариетов обычно немного, так как борьба за существование в суровом климате и тяжелых природных условиях способствует вымиранию субпассивариетов и выживанию людей гармоничного склада. Но при благоприятных природных условиях или при искусственной (государственной) поддержке они могут размножиться и составить немалую часть популяции этноса. Гумилев заканчивает восьмую часть своего трактата «Этногенез и биосфера Земли» описанием народа

онге (у Гумилева — онгхи), населяющего Малый Андаман, один из крупных островов Андаманского архипелага, что расположен в северо-восточной части Индийского океана между Индией и Мьянмой (географически гораздо ближе к Мьянме, но политически — это часть Индии): «...они попросту ленятся жить. Иногда предпочитают поголодать, чем искать пищу; женщины не хотят рожать; детей учат только одному — плавать. Взрослые хотят от цивилизованного мира только одного — табака. <...> Жизненный тонус онгхи понижен. Четвертая часть молодых женщин бесплодны». Даже мелкие изменения внешней среды, например смена рациона под влиянием европейцев или появление алкоголизма, губительны для племени.

А ведь то же самое происходит и в Сибири. Вот типичная зарисовка нравов в поселке Келлог Туруханского района. «Сидят несколько человек с детьми, — пишет иеромонах Арсений (Сokolov). — На полу — бутылка спирта и шука. Все гложут шуку и запивают спиртом». В Келлоге живут кеты, древний сибирский народ. Их численность также медленно сокращается, а этническая традиция деформирована.

Гумилев, как настоящий художник, мыслил образами. Однажды, объясняя, как меняется со временем стереотип поведения, он вспомнил лермонтовского купца Калашникова: для XVI века купец вел себя правильно, а для XIX века — нет. Гумилева, разумеется, начали ругать: купец — литературный герой, созданный воображением поэта, который жил не в XVI, а в XIX веке. Между тем Гумилев не доказывал, а иллюстрировал, пояснял свою мысль на понятном, доступном любому читателю примере.

Рискуя нарваться на такое же обвинение, но все-таки позволю себе проиллюстрировать субпассионарность не историческим или бытовым (их грамотный читатель найдет великое множество), а литературным примером. Тем более что перед нами книга «нового реалиста» Романа Сенчина.

«Артем любил тихие занятия — в детском саду, куда ходил с плачем, чаще всего лепил из пластилина, катал в уголке машинки, в школе на переменах сторонился носящихся одноклассников; одно время чувствовал тягу к книгам, особенно к тем, где описывались путешествия, исследования дальних стран, но ни одну книгу от корки до корки не осилил — листал, выхватывая взглядом отдельные строки, даты, фамилии, рассма-

тривал иллюстрации. Родители, видя его тихость, иногда говорили с усмешкой: “Философ растет. Всё думает”. Но Артем как-то особенно ни о чем не думал, мало что замечал, запоминал. <...> Он рос здоровым, крепким, будто занимался физкультурой (а физкультуру он не любил больше всех других уроков), и в то же время каким-то... Однажды он услышал слово, поразившее его, — слово это сказали не в его адрес, но с тех пор Артем часто мысленно повторял, обращая его к себе: “Недоделанный”».

ПАССИОНАРНОСТЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

Гумилев никогда не утверждал, будто процесс этногенеза зависит от одной лишь пассионарности, ведь есть много других факторов: этническое окружение, географическая среда, уровень социально-экономического развития и технической оснащенности и т.д. Но все-таки большую роль играет явление, названное Гумилевым «пассионарным напряжением»: количество пассионариев в этносе, соотношение пассионариев с обывателями (гармоничными людьми) и субпассионариями.

Рост числа пассионариев ведет к экспансии этноса — демографической, военной, даже культурной. Европейцы отправлялись в крестовые походы, а позднее — в колонии, мусульмане — на джихад, японцы в XX веке чуть было не захватили половину Азии, но потерпели поражение. Колоссальная убыль пассионариев уменьшила их агрессивность, а потому оставшиеся сосредоточились на экспансии экономической — и преуспели.

Когда пассионариев становится слишком много (акматическая фаза), возникают бесчисленные внутренние конфликты, гражданские войны, которые мешают даже завоевательным походам. Резкое падение пассионарного напряжения этноса (фаза надлома, *breakdown* Арнольда Тойнби) приводит к затяжному внутреннему кризису, который завершается переходом к инерционной фазе — плавному (за 300–400 лет) снижению пассионарности этноса. Но постепенная утрата пассионарности, исчезновение пассионариев из популяции и размножение субпассионариев ослабляют этнос настолько, что он слабеет и становится всё более уязвимым для внешних угроз.

онге (у Гумилева — онгхи), населяющего Малый Андаман, один из крупных островов Андаманского архипелага, что расположен в северо-восточной части Индийского океана между Индией и Мьянмой (географически гораздо ближе к Мьянме, но политически — это часть Индии): «...они попросту ленятся жить. Иногда предпочитают поголодать, чем искать пищу; женщины не хотят рожать; детей учат только одному — плавать. Взрослые хотят от цивилизованного мира только одного — табака. <...> Жизненный тонус онгхи понижен. Четвертая часть молодых женщин бесплодны». Даже мелкие изменения внешней среды, например смена рациона под влиянием европейцев или появление алкоголизма, губительны для племени.

А ведь то же самое происходит и в Сибири. Вот типичная зарисовка нравов в поселке Келлог Туруханского района. «Сидят несколько человек с детьми, — пишет иеромонах Арсений (Сokolov). — На полу — бутылка спирта и шука. Все гложут шуку и запивают спиртом». В Келлоге живут кеты, древний сибирский народ. Их численность также медленно сокращается, а этническая традиция деформирована.

Гумилев, как настоящий художник, мыслил образами. Однажды, объясняя, как меняется со временем стереотип поведения, он вспомнил лермонтовского купца Калашникова: для XVI века купец вел себя правильно, а для XIX века — нет. Гумилева, разумеется, начали ругать: купец — литературный герой, созданный воображением поэта, который жил не в XVI, а в XIX веке. Между тем Гумилев не доказывал, а иллюстрировал, пояснял свою мысль на понятном, доступном любому читателю примере.

Рискую нарваться на такое же обвинение, но все-таки позволю себе проиллюстрировать субпассионарность не историческим или бытовым (их грамотный читатель найдет великое множество), а литературным примером. Тем более что перед нами книга «нового реалиста» Романа Сенчина.

«Артем любил тихие занятия — в детском саду, куда ходил с плачем, чаще всего лепил из пластилина, катал в уголке машинки, в школе на переменах сторонился носящихся одноклассников; одно время чувствовал тягу к книгам, особенно к тем, где описывались путешествия, исследования дальних стран, но ни одну книгу от корки до корки не осилил — листал, выхватывая взглядом отдельные строки, даты, фамилии, рассма-

тривал иллюстрации. Родители, видя его тихость, иногда говорили с усмешкой: “Философ растет. Всё думает”. Но Артем как-то особенно ни о чем не думал, мало что замечал, запоминал. <...> Он рос здоровым, крепким, будто занимался физкультурой (а физкультуру он не любил больше всех других уроков), и в то же время каким-то... Однажды он услышал слово, поразившее его, — слово это сказали не в его адрес, но с тех пор Артем часто мысленно повторял, обращая его к себе: “Недоделанный”».

ПАССИОНАРНОСТЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

Гумилев никогда не утверждал, будто процесс этногенеза зависит от одной лишь пассионарности, ведь есть много других факторов: этническое окружение, географическая среда, уровень социально-экономического развития и технической оснащенности и т.д. Но все-таки большую роль играет явление, названное Гумилевым «пассионарным напряжением»: количество пассионариев в этносе, соотношение пассионариев с обывателями (гармоничными людьми) и субпассионариями.

Рост числа пассионариев ведет к экспансии этноса — демографической, военной, даже культурной. Европейцы отправлялись в крестовые походы, а позднее — в колонии, мусульмане — на джихад, японцы в XX веке чуть было не захватили половину Азии, но потерпели поражение. Колоссальная убыль пассионариев уменьшила их агрессивность, а потому оставшиеся сосредоточились на экспансии экономической — и преуспели.

Когда пассионариев становится слишком много (акматическая фаза), возникают бесчисленные внутренние конфликты, гражданские войны, которые мешают даже завоевательным походам. Резкое падение пассионарного напряжения этноса (фаза надлома, *breakdown* Арнольда Тойнби) приводит к затяжному внутреннему кризису, который завершается переходом к инерционной фазе — плавному (за 300–400 лет) снижению пассионарности этноса. Но постепенная утрата пассионарности, исчезновение пассионариев из популяции и размножение субпассионариев ослабляют этнос настолько, что он слабеет и становится всё более уязвимым для внешних угроз.

Древние шумеры не только строили оросительные каналы и города с храмами-зиккуратами, но успешно отбивали нападения соседей-эламитов и даже захватывали пленных, которых потом заставляли трудиться в своих храмовых хозяйствах. Но в конце XXI века до н.э. в Месопотамию пришли кочевники-семиты — амореи, которые даже отдаленно не напоминали грозных монголов или арабов. У амореев не было ни лошадей, ни верблюдов, а значит, они были лишены характерной для кочевников-завоевателей будущих эпох мобильности. Огромные стада овец давали им средства к существованию, но одновременно делали их уязвимыми, так что шумерскому государству III династии Ура ничто вроде бы не угрожало. Но миграция этих скромных пастухов погубила и династию, и государство, которое вскоре распалось. В Месопотамии возобладали семиты, усвоившие часть шумерской культуры; шумерский язык существовал еще много столетий как священный «язык прорицаний», затем исчез, как исчез еще раньше и сам народ.

Во II тысячелетии до н.э. появятся и исчезнут хетты, создавшие одну из самых сильных империй древности; арамеи распространятся так широко, что их язык станет на всём Леванте *lingva franka*, как теперь по всему миру английский, как в Европе позапрошлого века французский. Но уже к началу нашей эры память о хеттах стерлась; по-арамейски еще говорили, но самих арамеев уже не было. Та же судьба постигла скифов, сарматов, мидян, халдеев, римлян, галлов. Из древних племен до нашего времени дожили немногие — евреи, армяне, ассирийцы, но все они переменялись до неузнаваемости.

Но откуда берется пассионарность? В 1972 году, в статье «Этнология и историческая география» (цикл «Ландшафт и этнос») Гумилев впервые упоминает о «пассионарных толчках»: три-четыре раза за тысячу лет сразу в нескольких странах мира, часто отделенных друг от друга многими тысячами километров, начинаются процессы этногенеза: появляются новые этносы или до неузнаваемости меняются старые. Так, в VII веке принявшие ислам арабы одновременно начали войну против Ирана и Византии. Народ, прежде поставлявший соседям вспомогательные войска, надо сказать, довольно нестойкие, неожиданно начал одерживать победу за победой. Византия еле отбилась, а Иран был покорен, персам пришлось сменить зороастризм на ислам.

В это же время начинается подъем Тибета и Китая (империя Тан). В северо-западной Индии появляется новый этнос раджпутов, который на несколько веков захватывает политическую гегемонию в Индии. В Японии происходит «Переворот Тайка» («Тайка» — «великая перемена»), определивший развитие Японии на несколько столетий вперед.

Если соединить регионы, где начались все эти события, получится огромная дуга: Аравийский полуостров — северо-западная Индия — Тибет — северный Китай — Япония.

Это странное явление Гумилев и назвал «пассионарным толчком», или «взрывом этногенеза». Таких толчков на территории Старого Света с XVIII века до н.э. по XIII век н.э. Гумилев насчитал девять. Все они вытянуты узкими полосами в меридиональном, или широтном, направлении. Позднее, уже в восьмидесятые годы, Гумилев составил список универсальных признаков пассионарного толчка.

Пассионарный толчок — разумеется, только гипотеза Гумилева, которую невозможно подтвердить до тех пор, пока не будет выяснена физическая и биологическая природа пассионарности. Но сам Гумилев был уверен, что эту природу он уже изучил, понял, доказал.

ПАССИОНАРНОСТЬ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Гумилев описал пассионарность как историк и географ. Если бы он остановился на этом, его вклад в науку уже был бы значительнее, чем вклад, допустим, Данилевского или Хантингтона, но, как мы помним, еще в камере Лефортова Гумилев попытался пойти дальше и «перекинуть мост» между историей и естествознанием.

Гумилев решил, что пассионарность имеет энергетическую природу, но какая это форма энергии, он не знал, а потому до середины шестидесятых годов рассказывал о своих наблюдениях и предположениях друзьям и знакомым, но в научных статьях даже не касался этой темы. Словосочетание «биохимическая энергия живого вещества» он встретил, вероятнее всего, в 1965 году, когда из печати вышла книга покойного академика Вернад-

ского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Теперь всё как будто встало на свои места. Пассионарии усваивают из окружающей среды больше энергии, чем необходимо для личного и видового самосохранения, и выдают эту энергию в виде осмысленных и социально значимых действий. Одни создают торговые компании вроде Ост-Индской или Гвинейской и не только торгуют, но и захватывают новые земли. Другие отправляются на священную войну с неверными. Третьи посвящают свою жизнь научным исследованиям, или живописи, или поэзии.

Гармоничные люди — обыватели — усваивают энергии достаточно, чтобы прожить самому и оставить потомство. Субпассионарные усваивают меньше энергии, чем требуется для нормальной жизни. А поскольку этногенез зависит от соотношения в этносе пассионариев, обывателей и субпассионариев, то этногенез имеет прямое отношение к термодинамике.

Очевидно, что пассионарность и субпассионарность — отклонения от нормы. Но откуда же берутся эти отклонения? И что вызывает пассионарные толчки? Если пассионарность — наследуемый признак, то появляется он, решил Гумилев, в результате мутации.

О мутациях Гумилев, никогда не обучавшийся на биофаке, впервые услышал в конце тридцатых. Он писал, что слово «мутация» подсказал ему «друг биолог, тоже студент». Другом-биологом был Николай Давиденков, «Николка», но с Николкой они расстались в пересыльной тюрьме, летом 1939-го. Значит, уже тогда Гумилев не только думал над интересовавшей его научной проблемой, но и обсуждал ее с друзьями.

Но почему мутации охватывают такие огромные регионы? Гумилев рассуждал логично. Радиация — один из самых мощных мутагенных факторов, известных даже гуманитариям. Пассионарные толчки случаются не в одном и том же районе (допустим, в месте выхода на поверхность урановых руд), значит, земное происхождение радиации надо отбросить. Остаются космические лучи.

Гипотеза о влиянии внеземной радиации на этногенез возникла у Гумилева не позднее 1969 года. В письме к Тимофееву-Ресовскому (начало апреля 1969-го) Гумилев задает вопрос: «Не связано ли возникновение пасс. мутаций с космическими лучами?» И сам же отвечает: «Склоняюсь, что без этой гипотезы не обой-

тись». Он не нашел поддержки у Тимофеева-Ресовского, но сторонники у идеи все-таки нашлись. Одним из первых Гумилев поддержал профессор М.М.Ермолаев, известный полярник и географ. Он даже рассказал Гумилеву, что «ночью космические излучения, или видимые, или ультрафиолетовые, пробивают ионосферу, проходят до поверхности Земли и воздействуют на мелкие организмы. Вирусы их очень чутко воспринимают и мутируют».

И лишь в конце семидесятых, на последних страницах своего трактата «Этногенез и биосфера Земли», Гумилев решился опубликовать свое предположение: «...пассионарный толчок... явно неземного происхождения. <...> При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются, и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации».

В середине восьмидесятых Гумилев излагал свою гипотезу уже гораздо увереннее, ведь его во всём поддерживал верный ученик — Константин Иванов. В 1984 году они вместе опубликовали статью, где механизм действия космических лучей был описан пространнее, чем в «Этногенезе».

Позитивист и материалист Гумилев понимал энергию правильно — как физическую величину, меру «способности физической системы совершать работу». «Связь между физической энергией и “энергетикой” человека — есть, конечно, — заметил мой знакомый математик, — если человека не кормить, он станет несколько вялым, а потом и вовсе загнетса, это правда. Но это ничего, совершенно ничего не доказывает». И, как пишет биолог Александр Миронов, количество энергетически богатых соединений, полученных с пищей, «никаким образом не влияет на особенности характера индивидуума, которые проявляются в “пассионарности”. Так же как большее количество топлива в баке не увеличивает мощность двигателя».

Никакой специальной «биохимической энергии живого существа» просто не существует. Гумилев неверно понял книгу Вернадского.

С мутациями дела обстоят немногим лучше. Пассионарный толчок можно объяснить только стремительным (скачкообразным) распространением мутаций, что с точки зрения современной науки совершенно невозможно. «Гумилеву нужен скачок, т.е. резкое увеличение концентрации того или иного аллеля (ва-

рианта гена). В современной этногенетике такого неизвестно», — пишет биолог Елена Наймарк, консультировавшая автора этой книги. Странники теории Гумилева пришли к такому же выводу: «Пассионарность не может возникать каждый раз заново, т.к. это достаточно четкая и определенная характеристика, имеющая схожие проявления у разных этносов в разные исторические времена. Мутации явно не подходят из-за случайности их образования и ненаправленности мутагенеза».

Итак, энергетическая природа пассионарности и гипотеза о мутациях, стимулирующих этногенез, — столпы, на которых держалось всё естественнонаучное обеспечение пассионарной теории этногенеза, — оказались миражами.

Лев Николаевич Гумилев ни при каких условиях не смог бы создать естественно-научное обеспечение своей теории. Двадцатый век не дал нового Леонардо да Винчи. Науки разошлись слишком далеко. Один и тот же человек не мог профессионально разбираться в интригах при дворе императора Тайцзуна и в популяционной генетике, в еврейско-хазарской переписке X века и в термодинамике. Чудес не бывает.

Тем удивительнее, что научный поиск все-таки принес Гумилеву удачу. Это не оговорка. Гумилев, не зная физики и математики, все-таки правильно выбрал направление: он начал искать пассионарность в биологической природе человека, а не в привычных историку социально-экономических закономерностях.

Гумилев не пытался объяснить пассионарность и действием мистических, иррациональных сил, хотя этот путь сулил легкий и быстрый успех. Легче всего было объяснить пассионарность проявлением Мировой Воли, или Абсолютного Духа, или Провидения. Гумилев просто вышел бы за пределы верифицируемого научного знания, теория превратилась бы в учение, с которым спорить можно, но бессмысленно. Это область веры, а не знания. Если бы Гумилев так и сделал, то читателей бы у него не убавилось, а критиков стало намного меньше.

Гумилев избрал самый трудный путь, для гуманитария мучительный, но единственно верный. Существование пассионарности, ее связь с этногенезом он доказал как историк. И верно наметил направление дальнейших поисков, открыл целую область для научных исследований. Пока эти исследования носят харак-

тер сугубо теоретический и к тому же любительский, но не всегда дилетантский. Несколько лет назад, когда «Гумилёвика» была весьма динамичным и посещаемым сайтом, на его форуме шла интересная дискуссия между профессиональными биологами. Редколлегия сайта подвела ее итоги и опубликовала выводы участников дискуссии. Оказалось, что «гены, определяющие степень пассионарности, уже находятся в геноме (часть особей в каждом этносе) вида *Homo sapiens*, мутация для “опассионаривания” не нужна», но они могут быть заблокированы («эпигенетическое блокирование») или разблокированы. Впрочем, дальше продолжать не стану. Желаящие могут выйти на сайт, почитать и поспорить. Для меня важнее другое: биологи, даже поняв дилетантизм Гумилева, все-таки признали избранное им направление научного поиска перспективным*.

Значит, Гумилеву все-таки удалось навести «мост между науками». Когда-нибудь историк, филолог, биолог и физик вместе займутся решением проблемы, поставленной Львом Гумилевым еще на рубеже шестидесятых и семидесятых годов XX века.

МЕЖДУ ЗУБРОМ И ЛЬВОМ

Почему же Лев Гумилев в одиночку постигал премудрости генетики и биофизики, разве он не мог найти квалифицированных консультантов? Конечно, мог. Более того, нашел — не только консультантов, но даже соавтора.

Достоверно известно о сотрудничестве Гумилева по крайней мере с тремя биологами: заведующим кафедрой генетики и се-

* Александр Миронов, кандидат медицинских наук, клеточный биолог и один из создателей сайта «Гумилёвика», дал пассионарности свою профессиональную оценку: «...вся “соль пассионарности” заключается в поведенческих реакциях, которыми определяется тип характера конкретного человека или, например, собаки (агрессивный, тихий и т.д.). Эти реакции обусловлены специфичным для каждого индивидуума набором нейромедиаторов и соответствующих рецепторов в головном мозге. Воспитание может только модифицировать то, что уже есть. Если человек — трус, то его нельзя сделать героем. Научить преодолевать страх можно, но научить безрассудным поступкам нельзя. А т.к. все эти рецепторы и медиаторы являются белками, то информация о них заключена в генах».

лекции Ленинградского университета М.Е.Лобашевым, заместителем директора Института биологии внутренних вод Б.С.Кузиным и заведующим отделом радиобиологии и экспериментальной генетики Института медицинской радиологии Н.В.Тимофеевым-Ресовским. Первые двое были серьезными учеными, третьего еще при жизни считали одним из величайших биологов современности.

Кажется, успешнее всего складывались отношения с Михаилом Ефимовичем Лобашевым. В конце концов, оба работали в Ленинградском университете, так что могли встретиться после лекций, как коллеги. Впервые Гумилев обратился к Лобашеву в ноябре 1965-го. Беседа получилась, по словам Гумилева, «очень приятной и полезной».

За консультацией Кузина приходилось ездить в Ярославскую область, где размещался его институт, а Тимофеев-Ресовский жил в подмосковном Обнинске, тоже при институте.

Влияние Лобашева, видимо, ограничилось идеей сигнальной наследственности. О Борисе Сергеевиче Кузине речь впереди, а вот о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском надо поговорить подробнее, ведь он чуть было не стал соавтором пассивной теории этногенеза.

Тимофеев-Ресовский был личностью легендарной. Задолго до книги Даниила Гранина «Зубр» слава его гремела. Когда Тимофеев-Ресовский читал публичные лекции по генетике в Институте физических проблем, куда его пригласил академик Капица, и в МГУ на 16-м этаже главного здания, аудитория не могла вместить всех слушателей. Пришлось организовать трансляцию в холлах. Тимофеев-Ресовский был уже знаменит: генетик с мировым именем, помогавший вывести советскую науку из провала лысенковского мракобесия. Он был почетным членом нескольких европейских академий и лауреатом Кимберовской премии, которая считалась у генетиков почти такой же престижной, как Нобелевская.

Еще в 1925 году Тимофеева-Ресовского пригласили в берлинский институт мозга, где он проработал двадцать лет (лучшие годы, самые богатые на фундаментальные открытия). Там Тимофеев-Ресовский сотрудничал с крупнейшими учеными его времени, в том числе с будущим лауреатом Нобелевской премии Максом Дельбрюком, в то время еще молодым физиком-

теоретиком, которого именно Тимофеев-Ресовский и «переманил в биологию». Наука — истинное отечество настоящего ученого. А в Германии (и веймарской, и нацистской) наукой было заниматься намного легче и безопаснее, чем в сталинском Советском Союзе. Тимофеев-Ресовский пересылал оттиски всех своих статей в СССР, в библиотеку имени Ленина, но их там никто не читал. Много лет спустя он найдет эти оттиски неразрезанными.

Позднее в СССР будут ходить слухи, будто Тимофеев-Ресовский ставил опыты на людях и вообще верно служил нацистской Германии. Доказательств не приводили, хотя при Институте мозга в самом деле была клиника, где до войны лечили психических больных, а во время войны — раненных в голову*.

Но «темное» прошлое Тимофеева-Ресовского не интересовало Гумилева, который был исключительно прагматичен, когда дело касалось научной теории. Ученый занимался теми областями биологии, что особенно интересовали Гумилева: популяционной генетикой, количественным изучением мутационного процесса, биофизическим анализом мутаций, радиационной генетикой, в том числе воздействием излучений на мутации.

Гумилев познакомился с Тимофеевым-Ресовским через Раису Львовну Берг, дочь академика Берга, весной 1967 года, что,

* Биографы Тимофеева-Ресовского — Гранин, Шноль, Бабков и Сакарян — слишком снисходительны к нему, а современники-недоброжелатели, распространявшие зловещие слухи, слишком предвзяты и злы. В любом случае клеветникам верить не стоит. Только вот что наводит на размышления. В 1987 году сын Тимофеева-Ресовского Андрей потребовал реабилитации отца. Его поддержали академики Вонсовский, Яблоков и другие ученые. Как раз в это время появилась повесть Даниила Гранина «Зубр». Писатель ученого оправдал совершенно, но Главная военная прокуратура подняла документы, собранные следствием еще в 1945 году, когда Тимофеев-Ресовский был арестован и этапирован в СССР, и — неслыханное для тех времен дело — Тимофеева-Ресовского не только не реабилитировали, но еще раз, уже посмертно, обвинили в измене Родине, которая выразилась «в форме перехода на сторону врага». Тимофеев-Ресовский будто бы «лично сам и совместно с сотрудниками активно занимался исследованиями, связанными с совершенствованием военной мощи фашистской Германии». Речь шла об участии в немецком урановом проекте и даже в развитии «расовой теории фашизма». Последнее обвинение, впрочем, можно предъявить многим специалистам по генетике популяций.

лекции Ленинградского университета М.Е.Лобашевым, заместителем директора Института биологии внутренних вод Б.С.Кузиным и заведующим отделом радиобиологии и экспериментальной генетики Института медицинской радиологии Н.В.Тимофеевым-Ресовским. Первые двое были серьезными учеными, третьего еще при жизни считали одним из величайших биологов современности.

Кажется, успешнее всего складывались отношения с Михаилом Ефимовичем Лобашевым. В конце концов, оба работали в Ленинградском университете, так что могли встретиться после лекций, как коллеги. Впервые Гумилев обратился к Лобашеву в ноябре 1965-го. Беседа получилась, по словам Гумилева, «очень приятной и полезной».

За консультацией Кузина приходилось ездить в Ярославскую область, где размещался его институт, а Тимофеев-Ресовский жил в подмосковном Обнинске, тоже при институте.

Влияние Лобашева, видимо, ограничилось идеей сигнальной наследственности. О Борисе Сергеевиче Кузине речь впереди, а вот о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском надо поговорить подробнее, ведь он чуть было не стал соавтором пассивной теории этногенеза.

Тимофеев-Ресовский был личностью легендарной. Задолго до книги Даниила Гранина «Зубр» слава его гремела. Когда Тимофеев-Ресовский читал публичные лекции по генетике в Институте физических проблем, куда его пригласил академик Капица, и в МГУ на 16-м этаже главного здания, аудитория не могла вместить всех слушателей. Пришлось организовать трансляцию в холлах. Тимофеев-Ресовский был уже знаменит: генетик с мировым именем, помогавший вывести советскую науку из провала лысенковского мракобесия. Он был почетным членом нескольких европейских академий и лауреатом Кимберовской премии, которая считалась у генетиков почти такой же престижной, как Нобелевская.

Еще в 1925 году Тимофеева-Ресовского пригласили в берлинский институт мозга, где он проработал двадцать лет (лучшие годы, самые богатые на фундаментальные открытия). Там Тимофеев-Ресовский сотрудничал с крупнейшими учеными его времени, в том числе с будущим лауреатом Нобелевской премии Максом Дельбрюком, в то время еще молодым физиком-

теоретиком, которого именно Тимофеев-Ресовский и «переманил в биологию». Наука — истинное отечество настоящего ученого. А в Германии (и веймарской, и нацистской) наукой было заниматься намного легче и безопаснее, чем в сталинском Советском Союзе. Тимофеев-Ресовский пересылал оттиски всех своих статей в СССР, в библиотеку имени Ленина, но их там никто не читал. Много лет спустя он найдет эти оттиски неразрезанными.

Позднее в СССР будут ходить слухи, будто Тимофеев-Ресовский ставил опыты на людях и вообще верно служил нацистской Германии. Доказательств не приводили, хотя при Институте мозга в самом деле была клиника, где до войны лечили психических больных, а во время войны — раненных в голову*.

Но «темное» прошлое Тимофеева-Ресовского не интересовало Гумилева, который был исключительно прагматичен, когда дело касалось научной теории. Ученый занимался теми областями биологии, что особенно интересовали Гумилева: популяционной генетикой, количественным изучением мутационного процесса, биофизическим анализом мутаций, радиационной генетикой, в том числе воздействием излучений на мутации.

Гумилев познакомился с Тимофеевым-Ресовским через Раису Львовну Берг, дочь академика Берга, весной 1967 года, что,

* Биографы Тимофеева-Ресовского — Гранин, Шноль, Бабков и Сакарян — слишком снисходительны к нему, а современники-недоброжелатели, распространявшие зловещие слухи, слишком предвзяты и злы. В любом случае клеветникам верить не стоит. Только вот что наводит на размышления. В 1987 году сын Тимофеева-Ресовского Андрей потребовал реабилитации отца. Его поддержали академики Вонсовский, Яблоков и другие ученые. Как раз в это время появилась повесть Даниила Гранина «Зубр». Писатель ученого оправдал совершенно, но Главная военная прокуратура подняла документы, собранные следствием еще в 1945 году, когда Тимофеев-Ресовский был арестован и этапирован в СССР, и — неслыханное для тех времен дело — Тимофеева-Ресовского не только не реабилитировали, но еще раз, уже посмертно, обвинили в измене Родине, которая выразилась «в форме перехода на сторону врага». Тимофеев-Ресовский будто бы «лично сам и совместно с сотрудниками активно занимался исследованиями, связанными с совершенствованием военной мощи фашистской Германии». Речь шла об участии в немецком урановом проекте и даже в развитии «расовой теории фашизма». Последнее обвинение, впрочем, можно предъявить многим специалистам по генетике популяций.

видимо, оказалось несложно — дом Тимофеевых-Ресовских всегда был открыт для посетителей. Гумилев рассказал знаменитому биологу о своей теории и предложил сотрудничество, тот заинтересовался и на сотрудничество согласился. 1967 годом датирована запись в дневнике Гумилева: «Знакомство с Тимофеевым-Ресовским, начало совместной работы». О дальнейшем известно не так много. Гумилев в перерывах между редактированием «Древних тюрков», работой над «Поисками вымышленного царства» и статьями для «Вестника ЛГУ» приезжал в Обнинск, а Тимофеев-Ресовский дважды бывал в ленинградской квартире Гумилевых на Московском проспекте. Поскольку Николай Владимирович после перенесенной в Карлаге пеллагры не мог обходиться без помощи учеников, то и в работе с Гумилевым принимал участие один из них, генетик Николай Готов.

Тимофеев-Ресовский не уступал Гумилеву в эрудиции, широте интересов. В отличие от Л.Н. он любил и великолепно знал музыку, о живописи, об истории искусства судил с профессионализмом настоящего искусствоведа. Но и Лев Николаевич произвел сильное впечатление на биологов. Весной 1969 года Николай Готов будет писать Гумилеву: «Мне же достаточно того удовольствия и наслаждения, которое я получил от знакомства с Вами, интереснейших дискуссий по проблемам, о которых я мало что знал. Я почувствовал, наконец, неповторимый запах истории. И это изумительно!»

С самим Зубром у Гумилева могло быть много общих тем для беседы. Гумилев гордился своим дворянством, и знакомство с настоящим потомком (по материнской линии) князей Всеволожских, которые даже Романовых считали «худородными», не могло его не привлечь. Князя Дмитрий и Владимир Всеволожские участвовали еще в Куликовской битве, где командовали передовым полком. Кроме того, Тимофеев-Ресовский был знаком с евразийцами — Карсавиным, Алексеевым, Сувчинским, а с Петром Николаевичем Савицким, многолетним корреспондентом Гумилева, даже дружил на рубеже двадцатых и тридцатых годов.

В 1968 году Гумилев, Тимофеев-Ресовский и Готов начали готовить статью для журнала «Природа», где должна была появиться первая публикация, посвященная пассионарности и эт-

ногенезу. Тимофеев-Ресовский и Глотов отвечали за раздел «Популяционно-генетические основы этногенеза», Гумилев — за историческую и этнографическую часть, а также за стиль и композицию.

Сначала сотрудничество развивалось успешно. Гумилев ввел биологов в прекрасный мир всемирной истории, прежде им малоизвестный, а Тимофеев-Ресовский с Глотовым помогли «выправить ряд чисто естественно-исторических неправильностей» в построениях Гумилева.

Но вскоре между соавторами обнаружили такие разногласия, что дальнейшая совместная работа стала просто невозможной. Гумилев рассуждал не только как ученый, но и как художник. Ему хотелось создать теорию совершенную, которая с возможной полнотой объясняла бы пассионарность и этногенез. Статья должна была стать своего рода произведением искусства.

Но у биологов был свой взгляд: генетика — наука строгая, игнорировать научные представления или подгонять их под теорию они не могли, ведь такая публикация просто дискредитировала бы Тимофеева-Ресовского. Поэтому биологи внесли в статью поправки, которые показались Гумилеву неуместными. Глотов убеждал упрямого историка: «Недосказано очень многое, многое плохо сказано. Но это необходимый и достаточный на сегодня (с моей точки зрения) минимум. Мне кажется, что огромным достоинством статьи является именно ее незавершенность в ряде существенных мест. Неполнота любой теории — всегда преимущество».

Бесполезно. Гумилев не любил отказываться от своих идей, даже если они и вступали в противоречие с новыми данными. Вспомним, как упорно он защищал свою датировку «Слова о полку Игореве», с какой неохотой вносил поправку в свои расчеты уровня Каспийского моря. А теория этногенеза была делом всей жизни.

Тимофеев-Ресовский был не менее упрям и авторитарен. К тому же он терпеть не мог нечетких, научно не обоснованных концепций, тем более не мог подписаться под статьей, которая прямо противоречила научным представлениям его (да и нашего) времени.

Надо сказать, что Николай Владимирович был человеком резким, крутым, экспансивным, решительным и довольно гру-

бым. Потомок князей Всеволожских не отличался ни терпимостью, ни деликатностью. Однажды он чуть было не выгнал из дома двоих гостей, когда узнал, что они философы. По словам Тимофеева-Ресовского, он потратил в спорах с Гумилевым «максимум своей пассионарности». В конце концов доктор биологических наук обозвал доктора исторических наук «сумасшедшим параноиком, обуреваемым навязчивой идеей доказать существование пассионарности». После этого Гумилев к Тимофееву-Ресовскому больше не приезжал и, кажется, его не простил.

Но ученые вскоре обменялись письмами. Тимофеев-Ресовский попросил прощения, сославшись на «возбудимость своего характера» и на «блины с водкой», которые поспособствовали ссоре. Гумилев ответил обширным письмом, снабженным двумя таблицами, где демонстрировались разногласия между ним и биологами. Таблица изумила биологов еще больше. Глотов, ответивший на письмо Гумилева, заметил: «По крайней мере половину содержащихся в ней вопросов просто нельзя даже ставить».

Глотов, несомненно с санкции Тимофеева-Ресовского, поставил вопрос так: или в печать пойдет статья со всеми исправлениями и дополнениями, которые внесли они с Николаем Владимировичем, или же Гумилев может напечатать свой вариант статьи только под своим именем. Формулировки в письмах Глотова и Тимофеева дипломатичные, но позиция железная — ультиматум. И тогда Гумилев решил отказаться от соавторов. Он был достаточно уверен в своих силах. К тому же статья уже получила четыре положительные рецензии, необходимые для публикации в журнале «Природа».

Есть, впрочем, еще одна точка зрения на разрыв Тимофеева-Ресовского с Гумилевым. Наталья Викторовна Гумилева обвиняет Даниила Гранина, который будто бы «внушил Тимофееву-Ресовскому, что общение с Гумилевым для него нежелательно. <...> Разве это допустимо, чтобы две такие взрывные фамилии — Гумилев и Тимофеев-Ресовский — были рядом? И Тимофеев-Ресовский нагрубил Льву: прислал ему жуткое оскорбительное письмо, приведшее Льва в шок».

Доказательств Наталья Викторовна не приводит.

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

В 1970 году новости о войнах и государственных переворотах приходили в основном из Африки, Юго-Восточной Азии и Южной Америки. Власть над Ливией окончательно взял в свои руки молодой офицер Муаммар аль-Каддафи. Американцы безнадежно увязли в Южном Вьетнаме. А в богатой и благополучной Европе, не так давно пережившей «красный май» 1968-го, страсти улеглись настолько, что даже ничтожные, в сущности, события вроде распада группы «Битлз» казались чем-то значительным. В Югославии, правда, уже поднимался национализм — предвестие будущей катастрофы, но обыватели в соседних странах этого даже не заметили. Газеты и новостные агентства твердили о «разрядке» и предрекали скорый конец холодной войны.

Все просвещенные люди тогда следили за новым путешествием норвежского антрополога Тура Хейердала. На тростниковой лодке «Ра-2» он пересек Атлантический океан, доказав, что древние мореплаватели могли попасть из Африки в Америку.

Нобелевскую премию по литературе получил Солженицын (вернее, как раз не получил, не поехал за премией в Стокгольм), но советские граждане в большинстве своем еще не знали, кто это такой. В СССР пышно отпраздновали столетний юбилей Ленина. Революция стала далеким прошлым. Началась долгая и счастливая эпоха застоя.

Для Гумилева тихий и спокойный, воистину застойный 1970 год можно сравнить разве что с 1929, 1934, 1938, 1956 годами, когда в судьбе Гумилева начинался крутой поворот.

Именно в семидесятые годы Лев Гумилев, доктор наук и старший научный сотрудник НИИ, женатый человек и уважаемый, солидный, хотя и не слишком известный ученый, стал превращаться в того самого Гумилева — возмутителя спокойствия.

Статья Гумилева и Тимофеева-Ресовского предназначалась для журнала «Природа». Это был журнал академический, но не специализированный, а научно-популярный. Отсюда и огромный для научного журнала тираж (к началу 1970-го — 41 тысяча, к началу 1971-го — 49 тысяч).

После географо-геологической серии «Вестника ЛГУ» публикация в «Природе» смотрелась роскошно. Главным редактором был лауреат Нобелевской премии академик Н.Г.Басов.

Первая часть обширной и хорошо иллюстрированной статьи Гумилева «Этногенез и этносфера» вышла в январском (вторая — в февральском) номере «Природы». Статью дополняли этническая карта державы Ахеменидов и карта этноландшафтных регионов, где, по мнению Гумилева, возникали новые этносы. Наталья Викторовна сделала для этой статьи 24 иллюстрации, в основном это были изображения представителей древних народов, населявших Персию V века до н.э.: вавилонянин, эламит, арий, скиф, согдиец, гондхарец и др. Образцами для Натальи Симоновской послужили знаменитые рельефы царского дворца в Персеполе, одной из столиц Ахеменидов.

Теорию Гумилева заметили. В восьмом номере «Природы» за 1970 год появились первые отклики на «Этногенез и этносферу». Географ Б.Н.Семевский, профессор ЛГУ, непосредственный начальник Гумилева, не стал вникать в сущность проблемы, но счел необходимым поддержать сотрудника своей кафедры. Правда, Семевский осторожно возразил Гумилеву: «Решающее значение для изменения природных условий людьми имеют социально-экономические условия человеческого общества. <...> Сводить всё воздействие к биологическим и психологическим факторам неправильно», — но завершил свою реплику довольно лестно: «Статья Л.Н.Гумилева — новое слово в науке», — и пожелал автору продолжать исследования. Так же поступил и профессор Дроздов, другой ленинградский географ.

Преподаватель Ленинградского инженерно-строительного института В.Н.Куренной сам был «гумилевцем», а потому его обширная (больше, чем у Семевского и Дроздова вместе взятых) статья посвящена в основном пересказу теории Гумилева с благожелательными комментариями.

Дебют теории, спорной, экстравагантной и совершенно чуждой не только марксистской истории и этнографии, но и вообще русской гуманитарной традиции, оказался удачным. Но радоваться было рано. Вскоре статью в «Природе» прочитают профессиональные историки, этнографы, философы-марксисты, они отнесутся к сочинению Гумилева совсем иначе. Во втором номере «Природы» за 1971 год выйдет новая подборка статей, посвященных теории этногенеза.

Редакция «Природы» поступила дипломатично: две ругательные статьи уравновесила двумя хвалебными.

Востоковед Бронислав Кузнецов не вступил в теоретический спор с этнографами, а проверил теорию Гумилева на знакомом историческом материале — истории Тибета — и сделал такой вывод: рост и падение уровня пассионарного напряжения отлично объясняют и подъем, и упадок Тибета в Средние века. Практика — лучший критерий истины, а значит, «оригинальная концепция взаимодействия природы и общества отвечает на вопросы, поставленные в советской этнографической науке».

Московский географ Юрий Ефремов был единомышленником Гумилева. Он считал человечество «биосоциальным явлением», «неотъемлемым компонентом ландшафтной сферы». Противников такого подхода Ефремов обвинил в «географическом нигилизме»: «Человечество подчиняется не только общественным, но и природным законам; сосуществование, сопроявление этих законов — неизбежная реальность на все времена, пока существует биологический вид *Homo sapiens...*»

«Географических нигилистов» в журнале «Природа» представляли этнограф Виктор Козлов и археолог Михаил Артамонов — учитель, благодетель, покровитель Гумилева.

Артамонов был даже более резок, чем Козлов. Он принял пассионарность за новый вариант битой-перебитой «теории героя и толпы». Михаилу Илларионовичу не понравилась и гумилевская концепция этноса. У Гумилева этнос предстал одним из главных действующих лиц всемирной истории, Артамонов же считал этнос «аморфной структурой», никак не связанной с ландшафтом и не имеющей «четких очертаний». Значение такого явления в истории невелико.

Гумилев не пожалел учителя и на страницах того же журнала разгромил его, поймав на фактических ошибках и логических противоречиях, а несколько месяцев спустя продолжил спор с Артамоновым в изящной, остроумной и беспощадной статье «Этнос — состояние или процесс?». Перечислив основные положения артамоновской статьи, Гумилев замечает: «Согласиться невозможно ни с чем» и сразу же разбивает, казалось бы, самый сильный аргумент учителя — «зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень; это прописная истина».

«Организм человека входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза, — пишет Гумилев. — М.И.Артамонов не

может доказать, что профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполовым путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты, или он может не есть или, наоборот, съесть обед на сорок человек, или что на него иначе действует земное тяготение. А ведь это всё зависимость от природы того самого организма, который действует и мыслит, применяется к изменяющейся среде и изменяет среду, приспособлявая ее к своим потребностям, объединяется в коллективы и в составе их создает государства. Мыслящая индивидуальность составляет единое целое с организмом и, значит, не выходит за пределы живой природы...»

Вот за этот «биологизм» Гумилева и будут ругать до конца жизни. Особенной последовательностью и непримиримостью отличался Виктор Козлов. «Этнос — не биологическая, а социальная категория», — писал Козлов. Он первым обвинил Гумилева в «биологизме» и «географическом детерминизме». Вскоре эти обвинения тяжелым грузом потянут Гумилева на дно.

Вообще «биологизм» претил не только Козлову и его начальнику Юлиану Бромлею, но даже некоторым друзьям и соратникам Гумилева. Сергей Лавров, без колебаний принимавший даже самые сомнительные идеи Гумилева (от датировки «Слова о полку Игореве» до «евразийства»), отнесся к гумилевской концепции этноса неприязненно. Верный друг, всегда защищавший Гумилева даже от справедливой критики других ученых, тут же становился его критиком (правда, робким, вежливым и осторожным критиком), как только речь заходила о биологической или биосоциальной природе этноса. Пассионарной теории, делу всей жизни Гумилева, Лавров посвятил всего одну главу с примечательным названием «Свет и тени теории этногенеза». Он даже противопоставил «раннего», «задиристого» Гумилева Гумилеву «позднему»: «ранний» отказался считать этнос «социально-историческим явлением», «поздний» заявил, что «этнос — не биологическая категория».

Заметим, что «раннему» Гумилеву было под шестьдесят, а «позднему» — семьдесят. В таком возрасте люди редко меняют свои взгляды, да и противоречие, отмеченное Лавровым, мнимое.

«НАДВОЕ РАССЕКИТЕ ПРИЗНАЮЩИХ ДВА ЕСТЕСТВА!»

Гумилев мог легко разбить всех, кто приписывал ему «биологизм», ведь его представление об этносе как системе, объединенной этнической традицией, биологизмом назвать трудно. Стоило только назвать «сигнальную наследственность» социализацией и не утверждать, что этнос — «явление природы», как его бы оставили в покое.

Примечательно, что современные «биологизаторы» «своим» Гумилева как раз не считают. «Только затянувшимся недоразумением, а также справедливой критикой Гумилевым социологизаторских подходов к этничности можно объяснить квалификацию его взглядов на этничность как “биологизаторских”», — пишет Валерий Соловей, автор монографии «Кровь и почва русской истории». Известный русский националист Александр Севастьянов вообще назвал Гумилева «субъективным идеалистом» и поставил его в один ряд с академиком Тишковым, злейшим врагом всякой «гумилевщины».

Гумилев слишком хорошо знал этническую историю и этнографию, чтобы верить в чистоту крови и расы. «...Этнос — явление не биологическое и не социальное, а маргинальное, т.е. лежащее на границе социосферы и биосферы», — уточнял Гумилев. Значит, Гумилев все-таки разделял биологическое и социальное. В марте 1989-го Лев Гумилев в соавторстве с Константином Ивановым написал одну из последних своих статей, где, между прочим, заметил: «...коллективность — более общее свойство жизни, нежели социальность. Обязательными признаками последней являются, как известно, сознательные отношения между участниками и их способность к труду». Да, Лев Николаевич и Константин Павлович все-таки многое усвоили на занятиях по научному коммунизму.

Противопоставление природы и общества, биологического и социального — это сладкий самообман атеистов. Разделить в человеке биологическое и социальное невозможно, как невозможно надвое рассечь человека и при этом сохранить ему жизнь. Здесь уместен призыв византийских монофизитов, которые на Эфесском соборе кричали своим противникам — православным-халкедонитам: «Надвое рассеките признающих два естества!»

Например, социальный конфликт между рабочими и хозяином фабрики, жадным буржуем, начинается с той же биологии: рабочие хотят есть, а голод — явление несомненно биологическое, никак не социальное. Рабочие хотят жениться, заводить детей — инстинкт размножения тоже, как ни крути, связан с биологией. Рабочие хотят отдыхать два дня в неделю, но потребность в отдыхе диктуется нашим организмом. Обратим внимание: биологические инстинкты (пищевой, половой) прямо влияют на социальное поведение людей, так как же можно отделить биологическое от социального? Разве человек в своей социальной жизни не зависим от собственного тела?

Если человек — часть биосферы, то и животные не совсем чужды социальности. Есть такое понятие: общественные животные. Волки, бараны, морские котики, львы, сурикаты, лемуры, многие виды обезьян, наконец, пчелы и муравьи создают социальные организмы, иногда примитивные, иногда очень сложные. Ученые давно изучают эти сообщества животных и уже не первый десяток лет спорят о том, можно ли их сопоставлять с человеческим обществом. По-видимому, можно. Не случайно во второй половине XX века даже появилась новая наука — социобиология.

Этнос для Гумилева — форма существования вида *Homo sapiens*, но это не значит, что этнос — совершенный аналог муравейника или стаи: «Как человек отличается от прочих позвоночных, а он отличается радикально, так этносы не похожи на коллективы других животных».

В стае есть вожак — лидер, есть его приближенные, есть что-то вроде оппозиции (молодой самец, претендующий на власть), есть слабые — их допускают к разделу добычи в последнюю очередь. Противопоставить «сознательные» поступки человека инстинктивным действиям животных нельзя, потому что и люди часто действуют под влиянием инстинктов. Если сомневаетесь, понаблюдайте хотя бы за фанатами на стадионах. Животные, со своей стороны, нередко проявляют почти человеческую сообразительность, а их поведение иногда кажется разумным. Я сам был свидетелем замечательной сцены. Большой и сытый пес долго наблюдал за худым, изможденным и, по-видимому, голодным солдатом, что-то прикидывал, и в конце концов принес солдату большую кость: мол, поешь...

Лев Гумилев по сути был просто более последовательным материалистом, чем его противники — этнографы-марксисты. Природа и общество у него едины, точнее, общество — тоже часть природы.

В одном из интервью Гумилев рассказывал, как он объяснял сущность своих воззрений академику Трухановскому, главному редактору журнала «Вопросы истории»: «Человек имеет дело с четырьмя оболочками земли: атмосферой, литосферой, гидросферой и биосферой. По литосфере мы ходим, атмосферой мы дышим, гидросфера пронизывает каждую клеточку нашего организма, а биосфера — это мы сами»*.

ЛАНДШАФТ И ЭТНОС

Дискуссия в журнале «Природа» открыла два слабых места в теории Гумилева. Прежде всего, регионы этногенеза. Гумилев нанес на карту только шестнадцать регионов, где когда-либо складывались новые этносы. Гумилев считал, что благоприятные условия для этногенеза существуют только на стыках ландшафтов, где есть плавный переход между, скажем, горами и равниной, лесами и степью. Позднее он попытается свою точку зрения обосновать получше. В «Этногенезе и биосфере» он пишет не только убедительно, но и художественно: «Далеко не всякая территория может оказаться месторазвитием (этот термин Гумилев заимствовал у П.Н.Савицкого. — С.Б.). Так, на пространстве Евразии на всей полосе сплошных лесов — тайги от Онежского озера до Охотского моря — не возникло ни одного народа, ни одной культуры. Всё, что там есть или было, принесено с юга или с севера. Чистая, сплошная степь тоже не дает возможности развития. Дешт-и-Кыпчак, т.е. половецкие степи от Алтая до Карпат, — место без *Genius loci*. <...> Монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований».

* Эти слова Гумилева я цитирую по памяти. Я услышал их в одной из программ Ленинградского телевидения в 1990 или 1991 году. Похожие мысли Гумилев высказывал в своем интервью журналу «Сельская молодежь». 1988. № 2. С. 44-49.

Допустим, всё так, но ведь Гумилев в своей карте не придерживается выдвинутой им же самим идеи, на что обратил внимание даже друг Гумилева Юрий Ефремов. В обширной и очень благожелательной статье Ефремов все-таки заметил, что Гумилев подошел к делу поверхностно: «Спорным выглядит утверждение, что в Северной Америке “бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза”. Почему же лесостепь на стыке этих лесов и прерий оказалась бесплоднее евразийской лесостепи? Какого разнообразия не хватило Америке? На карте полуостров Индостан — белое пятно, хотя влажнотропические леса соседствуют здесь с лесами муссонными сухотропическими и саваннами...».

На карту Гумилева не попали Северный Кавказ и Закавказье, хотя там природа как раз чрезвычайно разнообразна, а «стыки ландшафтов» встречаются сплошь и рядом. И даже ландшафт Дешт-и-Кыпчака не такой уж «монотонный». Еще в одном из самых первых писем (1 января 1957 года) Петр Савицкий критиковал эту идею Гумилева: «...мне кажется, что и в вопросах этногенеза месторазвитий было больше. <...> Нынешний Казахский “мелкосопочник” (с высотами до 1500 м и выше: массив Кызылрай — 1559 м), с его лесами и водами. <...> Между тем своими словами о половецкой степи “от Алтая до Карпат” Вы лишаете и его “гения места”. <...> А Улатау, одна из “сокровищниц” Казахстана! А Мугоджары! А горы (Богдо и др.) над Астраханскими озерами! Всё это — заповедники степного мира, не только месторазвития вообще, но и этноместоразвития, места с “гением места!”»

Если быть последовательным, то к «пригодным» для начала этногенеза ландшафтам надо отнести большую часть суши, ведь обширные и совершенно «монотонные» ландшафты встречаются редко.

На самом деле у этой вроде бы научной идеи Гумилева основания скорее биографические. Гумилеву просто нравилось жить там, где сочетались ландшафты. Даже лагерная жизнь в местах живописных и разнообразных казалась легче. Гумилеву нравился Норильск, расположенный как раз на стыке тундры и лесотундры, но северная тайга в бассейне Нижней Тунгуски казалась совершенно безрадостной. Монотонные степи под Карагандой

(Песчанлаг) и Омском (Камышлаг после 1953 года) нравились гораздо меньше живописных предгорий Алтая (Камышлаг до лета 1953 года).

Виктор Козлов в своей первой антигумилевской статье обратил внимание на еще одно слабое место теории этногенеза. Жизнь далеко не всех этносов умещается в отмеренные теорией сроки. В самом деле, китайцы существуют уже пятое тысячелетие, евреи известны с середины второго тысячелетия до нашей эры, японцы последние 150 лет совершенно не напоминают «старичков» мемориальной фазы этногенеза (Гумилев датировал начало их этногенеза VI веком н.э.). Всё это современные и весьма динамичные народы. Верна ли теория?

На одном интернет-сайте недавно встретил стишок:

Мудр ты был, Гумилев, исчисливший сроки народам.
Всё же тебя опроверг малый евреев народ.

Сомнительно, чтобы и сам Гумилев «ответил, на какой стадии подобного развития находились, например, двести лет назад японский и китайский этносы и на какой стадии они находятся в настоящее время», — писал Виктор Козлов.

А ведь и правда — не отвечал. Юрий Ефремов вспоминал, что не раз спрашивал Гумилева: связано ли обновление Мэйдзи и «последующая агрессивность японцев» с пассионарностью, но тот всегда отмалчивался. Возможно, Гумилев просто боялся ошибиться из-за «абберрации близости», когда события на самом деле малозначительные представляются современнику чем-то грандиозным.

Вероятно, была и другая причина молчать об этом «пробуждении Азии». Япония чуть ли не самая моноэтническая страна на свете. В XIX веке там не было меньшинств, если не считать вымирающих айнов на Хоккайдо, а значит, условия не благоприятствовали этногенезу.

По мнению Гумилева, этногенез начинается с появления небольшой популяции пассионариев. Если условия благоприятствуют, то пассионарии создают первоначальную консорцию (группу, объединенную общностью судьбы, — религиозную секту, разбойничью шайку и т.п.), которая, постепенно разра-

стаясь, начинает преобразовывать господствующий в обществе стереотип поведения. Если общество полиэтнично, то есть состоит из нескольких старых этносов со старыми этническими традициями, то «новые люди» могут эти старые традиции сломать и создать на развалинах нескольких старых этносов новый, который отличается новой этнической традицией.

Сильная этническая традиция не дала бы развернуться новому поколению пассионариев, их должны были перебить: «...в монолитных этносах у пассионариев было мало шансов уцелеть, но в мозаичных они прекрасно играли на внутренних противоречиях врагов». Так, пророк Мухаммад со своими махаджирами и ансарами использовал «вражду жителей Ятриба (Медины) к роду курейшитов, арабов — к евреям, северных бедуинов — к южным. Будущий византийский этнос вырос из христианской общины Павла в многоэтничной Малой Азии, тогда как монолитная Иудея уничтожила у себя группу евреев-христиан».

Но ведь этот пример не всё объясняет. Сам же Гумилев писал о пассионарном толчке I века, превратившем евреев в новый, молодой этнос, который бросил вызов Римской империи.

Гумилев описывал этническую историю евреев как историю трех, если не четырех разных народов: «...трансформации, возникавшие вследствие пассионарных толчков, видоизменяли их не менее, чем все прочие этносы. При этом менялись даже облик культуры и догмы религии, феномены куда более устойчивые, чем этнические стереотипы, но сохранялся этноним, что и вводило в заблуждение и невежественных людей, и даже ученых».

Кто спорит: соратники Иисуса Навина, истреблявшие население Ханаана, мало походят на суровых, но благочестивых ессеев и культурных эллинизированных саддукеев I века н.э. В Эдуарде Багрицком, Льве Троцком, Фаине Раневской, Иосифе Бродском трудно узнать потомков арендаторов, мелких торговцев и шинкарей, уцелевших в страшные времена Хмельнитчины. И все-таки этническая традиция еврейского народа не прерывалась, а лишь менялась, как и этническая традиция китайцев, японцев, персов, русских, всех этносов, переживших уже не первый цикл этногенеза.

Разрыв с традицией в эпоху Мэйдзи, конечно, произошел, но преемственность между японцами времен сегуната Токугава и современными японцами очевидна*.

Вероятно, в теорию Гумилева надо внести поправку. Пассионарный толчок может привести не к созданию совершенно нового народа, а к обновлению старого. Гумилев не учел, что этническая традиция «старого» этноса может быть настолько крепкой, что появившиеся пассионарии просто примут старую этническую традицию. Не разрушат старую этническую систему, а включатся в нее, не уничтожат, а обновят.

ТРАМВАЙНЫЙ АНЕКДОТ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Лев Гумилев считал, что создал не только новую теорию, но даже новую науку — этнологию, которая отличалась от общеизвестной этнографии. Термин «этнология» (как синоним этногра-

* Проверим наше предположение на материале, который Гумилев не использовал, но исследовал его ученик Владимир Мичурин. В конце сороковых годов XIX века в Иране появилась секта во главе с Али Мухаммадом из Ши-раза, который отменил законы шариата и хотел поставить на их место свои собственные. Он провозгласил себя Бабом (Вратами Познания) и предтечей Махди, а позднее и самим Махди — мессией, обновителем истинной веры.

Он нашел себе много сторонников, причем стереотип поведения бабитов резко отличался от господствующего у персов. Среди проповедников нового учения были даже женщины, например Курет эль-Айн из Казвина. Проповедующая бабитскую мораль, она публично сбросила чадру.

Когда правительство попыталось с сектой расправиться, то с сожалением для себя выяснило, что бабиты и сражаются намного лучше других персов, и победа дорого стоила правительственным войскам. Баба казнили солдаты-армяне, так как мусульмане отказались в него стрелять. Оставшиеся в живых бабиты эмигрировали.

Но дальнейшая история некогда «сонного» Ирана показала, что новый виток этногенеза там все-таки начался: три революции и создание совершенно уникального для нашего времени государства, одновременно демократического и теократического — это слишком много для этноса мемориальной фазы. Всё равно как если бы седобородый старик начал на стометровке опережать профессиональных спортсменов. Значит, старик вновь стал юношей. Новый пассионарный толчок обновил иранский этнос.

фии) был и прежде хорошо известен в континентальной Европе. В Северной Америке эта наука называлась культурной антропологией, в Англии — социальной антропологией. Этнография складывалась в XIX веке как наука об «отсталых» или «примитивных» обществах и культурах. Затем этнографы начали изучать традиционный быт простонародья, почти смыкаясь с фольклористикой. Этнографы десятилетиями изучали быт и нравы, описывали традиционную одежду, жилище, кухню. Но Гумилев ставил перед своей этнологией совсем другие задачи. Именно она должна ответить на третий вопрос пассионарной теории этногенеза: как этносы взаимодействуют между собой. Этнология должна изучать сам этногенез «как природный процесс», этническую историю, взаимоотношения этноса с ландшафтом и заниматься «этнической диагностикой», то есть исследовать, определять большую или меньшую близость этносов друг к другу.

Этнографы гумилевскую этнологию не признали, хотя сам термин «этнология» к началу девяностых стали употреблять гораздо чаще. В конце концов даже академический Институт этнографии переименовали в Институт этнологии и антропологии. Но к научным работам Гумилева там относились с пренебрежением. По словам Виктора Шнирельмана, главного научного сотрудника института, Гумилев, создавая свою теорию межэтнических контактов, опирался не на «научные данные по нормативной и поведенческой антропологии, а на “трамвайный анекдот”, основанный на расхожих стереотипах».

Речь о том самом анекдоте, который Гумилев не только рассказывал на лекциях, но даже цитировал в научных работах. Смысл его в следующем: люди разных национальностей, то есть разной этнической принадлежности, в одних и тех же обстоятельствах будут вести себя по-разному. Если в трамвай, где едут русский, немец, кавказец (в более раннем варианте Гумилев уточнял — армянин) и татарин, войдет пьяный и начнет безобразничать и хамить пассажирам, то русский будет пьяного уговаривать, татарин не станет вмешиваться, немец остановит трамвай и вызовет милицию, а кавказец просто «даст в зубы». «Крепко даст», — уточнял Гумилев в одной из своих телевизионных лекций.

Если бы Гумилев и в самом деле считал такой эпизод доказательством, даже говорить о гумилевской теории межэтнических контактов не стоило бы. Но для Гумилева трамвайный анекдот

Часть XII

никогда не служил доказательством. Это была только эффектная, узнаваемая и весьма наглядная иллюстрация, не более. Гумилев создал свою теорию на совершенно другом материале.

Но вот однажды, просматривая новости в Интернете, я наткнулся на заметку о происшествии пусть не в трамвае, а в маршрутке. Дело было 24 июня 2011 года в городе Липецке около трех часов дня по местному времени. В маршрутку № 359 вошел молодой человек с банкой пива. Вскоре он заснул, банка выпала из его ослабевших рук, и пиво начало заливать пол. Пассажиры на это безобразие реагировали вяло, но вот водитель-кавказец остановился, зашел в салон и начал избивать пьяного пассажира. Под горячую руку попала даже пассажирка, которая попыталась успокоить развоевавшегося водителя.

Я не считаю случай репрезентативным, ведь дело могло быть не в стереотипе поведения, а только в индивидуальных особенностях водителя-кавказца. Надо анализировать не один случай, а десятки, лучше — сотни таких же или похожих конфликтов. Но согласитесь, что события в этой истории развивались в точности по «трамвайному анекдоту» Льва Гумилева.

ЧАСТЬ XV

ЭТНОГЕНЕЗ И БИОСФЕРА

— «Этногенез и биосфера Земли»? Вы знаете, да, была такая книга. Удивительно интересная! Я ее с удовольствием прочитала. Правда, ее совсем зачитали, не помню, оставили ее на полке или нет, — говорила мне пожилая женщина, библиотекарь подсобного фонда Российской государственной библиотеки.

Главную книгу Льва Гумилева я впервые прочитал в 1993 году. Это было одно из многочисленных тогда пиратских изданий. Теперь в моей библиотеке стоит и новенький, хорошо изданный томик «Этногенеза». Но ни в пиратских изданиях начала девяностых, ни в современных качественных изданиях «Астрель» и «Айрис-пресс» не сохранилась вступительная статья профессора, этнографа Рудольфа Фердинандовича Итса, которая предваряла первое и второе издание «Этногенеза». В моем родном городе найти первое издание оказалось трудно. В одной библиотеке книга была столь зачитана, что ее пришлось отправить на реставрацию. Из другой вообще исчезла. Пришлось отправиться в Ленинку. Но и там «Этногенез» нашли не сразу. Тысячи читателей центрального подсобного фонда Ленинки привели книгу в негодность, пришлось искать другой экземпляр.

Но фантастический для научной книги успех придет на рубеже восьмидесятых и девяностых, а в середине семидесятых годов Гумилева неожиданно перестали печатать.

Вскоре после статьи Козлова двери издательств и редакции журналов стали всё чаще закрываться перед Гумилевым. С Козловым Гумилев пикировался с 1971 года и теперь снова решил вступить в спор. В начале 1975-го Гумилев направил письмо в редакцию «Вопросов истории», приложив к нему свой ответ Козлову. Журнал долго не отвечал, дважды главный редактор, член-корреспондент Академии наук В.Г.Трухановский собирал редколлегию, но ответ Гумилева так и не вышел. Трухановский сообщил Гумилеву, что публикации помешал академик Бромлей, директор Института этнографии. Если учесть, что ближайшим соратником Бромлея был Козлов (они даже часто выступали в соавторстве), то можно предположить, что именно Юлиан Владимирович стоял за публикацией антигумилевской статьи.

Но у Гумилева и без Бромлея хватало влиятельных недоброжелателей. В 1977-м и 1978-м Трухановский дважды заказывал Гумилеву большие статьи по истории евразийских кочевников, и дважды их не пускал в печать академик Рыбаков, причем вторая статья уже прошла редактуру и была сверстана для журнала. Гумилева перестал печатать даже родной «Вестник ЛГУ». В 1976 году главный редактор отклонил новую статью Гумилева «Факторы этногенеза». Так прервался знаменитый цикл «Ландшафт и этнос» (Гумилев называл его «сюитой»).

Биографы Гумилева и его ученики представляют травлю Гумилева как нечто исключительное. Между тем с подобными препятствиями сталкивались многие историки, чьи воззрения расходились с общепринятыми в советской науке. Вот только один пример. Блистательный медиевист Арон Яковлевич Гуревич считал себя человеком исключительно счастливым, просто баловнем судьбы. Но вот журнал «Вопросы истории» двадцать лет его не печатал (Гумилева этот журнал не печатал восемнадцать лет). Гуревич с конца пятидесятых по 1973 год был постоянным автором престижного сборника научных трудов «Средние века». Но однажды Гуревичу устроили проработку: он, оказывается, преувеличил роль католической церкви. Так его перестали печатать и «Средние века».

Полного запрета на публикации Гумилева не было. С ним продолжал сотрудничать журнал «Природа». Статьи выходили

в научных сборниках, в «Ученых записках» Ленинградского и даже Тартуского университетов. Правда, публикации были в основном проходными. «“Тайная” и “явная” история монголов XII–XIII вв.», «Монголы и меркиты в XII веке» — сюжеты из давно опубликованных «Поисков вымышленного царства». «История колебания уровня Каспия за 2000 лет» — тоже повторение старого.

Исключением была статья «Биосфера и импульсы сознания», одна из программных у Гумилева. Она вышла в двенадцатом номере «Природы» за 1978 год. Редакция журнала вновь, как и в 1970–1971-м, решила завязать дискуссию об этногенезе, тем более что Гумилев переформулировал и уточнил многие понятия по сравнению с рубежом шестидесятых и семидесятых годов и ввел термин «техносфера» — царство мертвых вещей. С техносферой он сопоставил ноосферу Вернадского: «А что дала нам ноосфера, даже если она действительно существует? От палеолита остались многочисленные кремневые отщепы и случайно оброненные скребки да рубила; от неолита — мусорные кучи на местах поселений. Античность представлена развалинами городов, а Средневековье — замков. Даже тогда, когда древние сооружения целиком доходят до нашего времени, как, например, пирамиды или Акрополь, это всегда инертные структуры, относительно медленно разрушающиеся. И вряд ли в наше время найдется человек, который бы предпочел видеть на месте лесов и степей груды отходов и бетонированные площадки. А ведь техника и ее продукты — это овеществление разума. Что же касается произведений гениальных поэтов или философов, то они остаются в памяти людей, не образуя никакой особой “сферы”».

В этом же номере «Природы» появилась статья историка первобытности Абрама Исааковича Першица и географа Вадима Вячеславовича Покшишевского «Ипостаси этноса». Соавторы работали в Институте этнографии, то есть должны были представить официальную точку зрения советской этнографии. В общем, они так и сделали. При этом критика достаточно сдержанная, вполне академичная, без «запрещенных приемов», к которым недавно прибегал Козлов. Тяжелая артиллерия советских этнографов с ее броневой-зажигательными обвинениями в антимарксизме и фашизме на этот раз молчала. Авторы с Гумилевым не соглашались, но не нарушали этики нормального научного спора.

Сама дискуссия в авторитетном академическом журнале показывает, что даже после третьей статьи Козлова Гумилева признавали вполне профессиональным ученым, с которым не зазорно спорить на страницах солидного издания.

В 1975 году Ученый совет географического факультета рекомендовал к печати «географическую» диссертацию Гумилева, но издательство ЛГУ отказалось ее публиковать. Через два года Гумилев предложил рукопись «Этногенеза» издательству «Наука». На этот раз Гумилев заручился еще более основательной поддержкой. Он получил десять положительных рецензий, включая отзыв доктора биологических наук Н.Н.Смирнова, заместителя председателя биологической секции и международной секции Научного совета по проблемам биосферы Академии наук СССР. Вновь свою рекомендацию дал Ученый совет геофака ЛГУ. Но издательство согласилось печатать книгу только под грифом Института этнографии и направило рукопись академику Бромлею, который такого грифа, конечно, не дал. Одновременно «Наука» не приняла у Гумилева заказанную для популярной серии небольшую книгу «История природы и история людей».

После двойной неудачи с издательством «Наука» стало ясно, что в ближайшее время напечатать «Этногенез» в советском издательстве не удастся, а переправлять за границу и печатать главный труд жизни в каком-нибудь Париже Гумилев не мог и не хотел. Во-первых, книга была вовсе не антисоветской, а потому для диссидентского движения ценности не представляла. Во-вторых, сам Гумилев не любил диссидентов. Печатать «Этногенез» надо было на родине, но как это сделать? И Гумилев решил депонировать свою книгу во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ).

Депонированная рукопись — это нечто среднее между нормальным изданием и анабиозом в ящике письменного стола. Однако и на это кладбище идей, концепций, сочинений надо было еще попасть. 30 октября 1978 года ученый совет ЛГУ представил рукопись Гумилева к депонированию, но только в первых числах марта следующего года Гумилев депонировал первые десять листов своей книги. Он не терял времени даром: расширял текст, дополнял, переписывал. В конце концов объем рукописи вырос почти на треть, и ВИНИТИ согласился принять ее разделенной на три выпуска.

После депонирования первой части случилась заминка: сотрудница ВИНТИ О.Н.Ансберг чуть было не «зачитала» вторую и третью части, Гумилев даже пригрозил ей уголовной ответственностью. Только в октябре 1979-го депонирование было закончено. Так началась жизнь одной из самых оригинальных книг XX века.

В отечественной исторической мысли «Этногенез и биосфера Земли» не имел аналогов, потому что даже «Россия и Европа» Н.Я.Данилевского уступала книге Гумилева во всех отношениях — от стилистики до строгости научной терминологии. До 1979 года пассионарная теория этногенеза была распылена между двумя десятками статей, опубликованных научными журналами. Теперь Гумилев не только собрал все статьи, все идеи, мысли, догадки в одной книге, но и внес изменения. Именно по «Этногенезу и биосфере» надо изучать теорию Гумилева.

Всякое совершенное литературное произведение — загадка для читателя и критика, а «Этногенез» принадлежит и науке, и литературе. Несмотря на устрашающую терминологию, на чрезвычайную сложность самого предмета, на непривычность исследования, книга Гумилева читается на одном дыхании. Если красота — в самом деле критерий истинности научной теории, то теорию Гумилева следовало признать безупречной.

Но красота «Этногенеза» куплена дорогой ценой. Не зря Николай Глотов еще десять лет назад предостерегал Гумилева от красивых, но поспешных умозаключений, от изящных, но недоказанных гипотез. Трактат Гумилева соединил замечательные наблюдения, тонкие догадки, необычайные прозрения с многочисленными натяжками и упрощениями. Но еще удивительнее другое: сочетание в трактате науки с вероучением.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕРЕТИК?

До сих пор речь шла о науке, о литературе, об истории народов. Но последняя, девятая часть трактата «Этногенез и биосфера Земли» даже на первый взгляд кажется чем-то инородным. Она называется «Этногенез и культура» и состоит из двух глав: 37-й — «Отрицательные значения в этногенезе», и 38-й — «Биполярность этносферы».

Певец продолжает: “Смешна моя весть
И вашему уху обидна?
Кто мог бы из вас оскорбление снести?
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: да будет мне стыдно!

На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле —
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече — каганская воля!”

<...>

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
“Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!”

<...>

Тут Лев Николаевич посмотрел на меня с некоторым лукавством и произнес:

— Змей Тугарин — это я».

ЕВРАЗИЙСКОЕ БРАТСТВО

Положительная комплиментарность самого Гумилева к монголам и татарам не вызывает сомнений, но можно ли то же самое сказать и о русском народе?

Во времена Батые монголы не проявляли к русским особого почтения. По версии Гумилева, великий князь владимирский Ярослав Всеволодович был ценнейшим союзником монголов. Значит, монголы должны были отнестись к нему с почтением. Между тем, по словам Джованни дель Плано Карпини, с Ярославом в Каракоруме обращались пренебрежительно: «...знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя и ца-

рицы грузинских и много великих султанов... не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади зада их».

Если так относились к русским князьям, то каково жилось простым ремесленникам, которых монголы перевезли в Каракорум?

Гумилев писал, будто бы ненависть к татарам появилась не во времена Батыева нашествия и не в благословенные годы русско-татарского симбиоза (то есть в самые страшные, беспросветные времена татаро-монгольского ига), а много позднее, в конце XIV века, когда «узурпатор Мамай стал налаживать связи с католиками против православной Москвы». Так ли?

Ростовские князья одно время были «татарофилами». В 1238 году Ростов сдался татаро-монгольскому войску без сопротивления, поэтому не был разорен, как Владимир или Старая Рязань. Это не преминул отметить и Гумилев, разумеется, с похвалой. Татары и позднее охотно приезжали в Ростов. Именно там поселился царевич Петр Ордынский, первый чингисид, который принял православие, основал в Ростове монастырь и вообще отличался такой набожностью, что со временем был канонизирован православной церковью. Но даже в Ростове народ не поддерживал коллаборационизм своих правителей. В 1289 году ростовчане взбунтовались против татар, ограбили и выгнали их из города. В 1327 году жители Твери куда страшнее расправились с послом самого хана Узбека Чол-ханом (Шевкалом, Щелканом Дудентьевичем). Этот посол довел тверичей до такого ожесточения, что они, не побоявшись ханского гнева, сожгли самого Чол-хана, а «гостей ордынских старых и новопришедших, иже с Щелканом Дюденевиц пришли, еще не бишася, но всех изсекоша, а иных истопиша, а иных в костры дров складше сожгоша».

Сведения о восстании против Чол-хана сохранились в Тверском летописном своде, составленном, по мнению Я.С.Лурье, «бесспорно до столкновения с Мамаем».

В народной памяти Чол-хан остался надолго. Этому событию посвящена историческая песнь «О Щелкане Дудентьевиче» и «Повесть о Шевкале». Читая русские повести, исторические песни и былины, где татары почти всегда предстают злейшими врагами

русского народа, противниками русских богатырей, невольно сомневаешься в словах евразийца Трубецкого о «евразийском братстве народов».

Николай Сергеевич, напомним, с евразийскими народами был знаком преимущественно заочно — как лингвист. Но вот другой его соратник по евразийству, Георгий Владимирович Вернадский, был не только профессиональным, но и честным историком, а потому написал даже о вещах, которые никак не укладывались в евразийскую картину мира.

Великий князь московский Василий Темный, подобно Льву Гумилеву, был татарофилом. Однажды князь попал в плен к татарам, но те обращались с ним хорошо, и Василий, вернувшись на великокняжеский престол, начал принимать татар, даже не крещеных, на службу и давать им «в кормление» русские города. Русские люди были крайне недовольны притоком понаехавших на русскую службу татар. Возмущением воспользовался двоюродный брат Василия Дмитрий Шемяка, соперник Василия в борьбе за власть. Шемяке удалось дискредитировать Василия, и тому пришлось пойти на уступки: под давлением «общественности», поддержанной православными епископами и митрополитом Ионой, Василий начал селить служилых татар не на собственно русской земле, а на окраине. Пусть дружественные татары стерегут русскую землю от недружественных, но чтобы на Руси не появлялись!

И все-таки самое поразительное свидетельство ненависти русских к «евразийским» оккупантам я нашел... в книге Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая степь». Гумилев доказывал, что русские в годы Батыева нашествия воевали плохо, вели себя недальновидно и друг другу не помогали. При этом он так увлекся, что поведал миру поразительную историю. Передаю слово великому ученому:

«Мой покойный друг профессор Н.В.Тимофеев-Ресовский рассказал мне по детским воспоминаниям, что около Козельска есть село Поганкино, жители которого снабжали провиантом монголов, осаждавших “злой город”. Память об этом событии была в XX в. настолько жива, что козляне не сватали поганкинских девиц и своих не отдавали замуж в Поганкино».

Козельские краеведы считают, что Тимофеев-Ресовский перепутал название, но деревня с такой дурной репутацией и в самом деле существует, только называется она Дешовки. Название

же трактуется так, будто жители задешево продались Батью и снабжали его войско необходимыми припасами. Существует и легенда о глупой девке или бабе, которая за дешевый подарок (бусы или зеркальце) показала монголам тайный ход на другой берег Жиздры. Эта легенда жива и теперь, хотя о «половом бойкоте» давно уже нет и речи.

Попробуем оценить это и в самом деле невероятное явление.

Осада Козельска — это весна 1238 года.

В 1611 году поляки сожгли Москву, огромный и богатый город! В 1612 году Москву освободило земское ополчение под командованием князя Пожарского. События грандиозные, в самом деле исторические. И происходили они четыреста лет назад. Давно? Давно, но всё же намного ближе к нам, чем осада Козельска. И что же? Когда в 2005 году власть учредила государственный праздник «День народного единства» в честь победы русского ополчения, россияне просто не поняли, о чем идет речь.

В 1941-м началась самая страшная, самая великая война, которую только вел наш народ. Никогда ее не должны были забыть. Однако же теперь всё чаще встречаются студенты, которые путают Вторую мировую с Первой мировой и даже не знают, что такое Сталинградская битва. С каждым годом таких всё больше. А ведь прошло каких-то семьдесят лет, еще живы десятки тысяч ветеранов той великой войны.

А жители Козельска помнили Батыево разорение более семисот лет! И более семисот лет презирали трусов и предателей, помогавших врагу в XIII веке!

Конечно, память народная — не всегда справедливый судья, но может ли историк и этнолог ее игнорировать? И случайно ли из памяти народной татары со временем вытеснили половцев, печенегов, черных клобуков и других степняков? «Все “степные кочевники” ступевались здесь и уступили одному образу — татарского хана и его подручных, — писал академик Греков. — Татарская власть запечатлелась в памяти народной настолько глубоко, что в наших былинах вместо тех или иных врагов, с какими приходилось сталкиваться русскому народу на протяжении многих веков его истории, везде называются одни “татаровья”, олицетворением которых является царь Калин, нередко выступающий под именем Батыя Батыевича, иначе Бутыги или Бутеяна Бутеяновича, или же, наконец, Мамая».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аарон (правитель Хазарии) – 583
Абакумов В.С. – 241
Аббат Прево (см. *Прево д'Экзиль А.-Ф.*)
Абросимова В.Н. – 311
Абросов В.Н. – 164, 171, 172, 177, 192, 218–222, 233, 247, 255, 256, 271, 272, 276, 278, 283, 302, 305, 321, 327–329, 333, 338, 340, 342, 346, 353–355, 357–361, 363, 364, 370, 372–374, 382, 402, 408, 410, 414, 416, 422, 525, 526, 538–541
Аввакум Петров – 147, 403
Август Гай Юлий Цезарь Октавиан – 78
Августин Аврелий – 508, 518
Аверченко А.Т. – 161
Авраам (библ.) – 145, 572
Агранов Я.С. (Сорензон Я.Ш.) – 580
Адашев Даниил – 668
Айзатуллин Т.А. – 712
Аксаков И.С. – 656
Аксельрод М. – 580
ал-Мамун – 587
Аксенов В.П. – 422
Ал-Масуди – 350
ал-Истахри – 350
Александр I – 427, 454, 679
Александр Невский – 403, 550, 585, 592, 599, 603, 642
Александр Македонский – 93, 143, 147, 441, 709
Александра Федоровна (императрица) – 567

- Гитлер А. — 497, 655, 721
 Глазунов И.С. — 626
 Глеб св. (князь) — 707
 Глебова Л.Н. — 219
 Глебова Т.Н. — 219
 Глекин Г.В. — 9, 300
 Глен Н.Н. — 381, 387, 490
 Глоба П.П. — 716
 Глотов Н.В. — 432, 454–456, 477, 506
 Гнучева В.В. — 229
 Гоголь Н.В. — 225, 330, 536
 Голб Н. — 571
 Голлербах Э.Ф. — 218, 551
 Головачев В.Д. — 67
 Головин Е. — 705
 Головникова О.В. — 138
 Гомер — 24
 Гор Г. — 64
 Гораций Квинт Флакк — 95, 485
 Горбатов А.В. — 186
 Горбачев М.С. — 623, 627, 633, 635, 672, 675, 683, 684, 690, 699
 Горбунов Н.П. — 60
 Гордон Д.И. — 553, 696
 Гордон Л.С. — 224, 233, 237, 238, 269, 270, 276
 Гордон М.Л. (см. *Козырева М.Л.*)
 Горенко А.А. — 174
 Горенко А.Э. — 30
 Горенко И.Э. — 30, 115
 Горловский С.С. — 73
 Горностаев И.И. — 227
 Горький М. (Пешков А.М.) — 90
 Грабовой Г. — 640
 Гранин Д.А. — 196, 452, 453, 456
 Грацианский Н.П. — 84
 Грачева Т.В. — 574
 Гревс И.М. — 79
 Греков Б.Д. — 79, 80, 82, 84, 614, 615, 660, 666
 Григорьев В.А. — 633
 Григулевич И.Р. — 563, 564, 725
 Гродецкий В.В. — 231
 Громов — 249
 Гросс П.О. — 97
 Грубиян М.М. — 267, 302, 576
 Грумм-Гржимайло А.Г. — 119

- Стивенсон Р.-Л. – 36
 Степанов (подполковник госбезопасности) – 241, 243
 Столяр А.П. – 369
 Струве В.В. – 76, 77, 79, 83, 84, 87, 94, 138, 139, 202, 209, 226, 275, 289, 291, 294, 295, 314, 321–323, 332, 333–335, 499, 640
 Струве П.Б. – 87, 324, 325
 Стругацкие – 422
 Субудай-багатур – 116, 590, 594, 596, 600
 Суворов А.В. – 396, 488, 554
 Сувчинский П.П. – 454, 648, 652, 654, 656, 658
 Сулейменов О.О. – 534
 Сулла Луций Корнелий – 147, 229, 230, 309, 441
 Сумароков А.П. – 121
 Сун (династия) – 588
 Сурков А.А. – 195
 Сципион Публий Корнелий – 78
 Сы-джабгу-хан (см. *Ирбис-Ышбара*)
 Сыма Цянь (Сымацянь) – 260–262, 336,
 Сы-шеху-кэхань (см. *Ирбис-Ышбара*)

Т

- Тайцзун (см. *Ли Ши-минь*)
 Тамерлан (Тимур) – 116, 212, 696
 Тан (династия) – 447, 480, 481
 Тап (собака) – 13
 Тарасов Б.П. – 36, 37
 Тарковский А.А. – 43
 Тарле Е.В. – 82–84, 164, 275, 403
 Тархова Н.С. – 138
 Татьяна (см. *Крюкова Т.А.*)
 Тахтамиръ (царевич) – 600
 Тацит – 696
 Твардовский А.Т. – 195, 560
 Телебуга (Тула-Буга) – 599, 604
 Тел-и-дэли (см. *Ирбис-Ышбара*)
 Темрюк – 669
 Тимирязев К.А. – 149
 Тимофеев-Ресовский А.Н. – 453
 Тимофеев-Ресовский Н.В. – 390, 427, 432, 448, 449, 452–457, 665
 Тимофеева О.Б. – 528, 532, 673
 Тимошенко С.К. – 152

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	7

ЧАСТЬ I

Гнездо на ветру	10
В Петрограде	22
Бежецк	25
Воспитание дофина	31
Три школы и университет в березовой аллее	35
Фонтанный дом	39
Пунин	42

ЧАСТЬ II

Первый бастион	46
Хамар-Дабан	50
Таджикистан	55
В Москве	64
«Уж сколько раз твердил нам Энгельс...»	72
Старая профессура	74
Студенты	83
Дворяне и бомбы	88
Друзья Гумилева	94
Арест 1935	99
К счастливому тридцать седьмому	107

«Мой предок был татарин косоглазый...»	113
Молодой востоковед	117
Дар слов	120

ЧАСТЬ III

Большой террор и арест 1938	127
Второе следствие, первый срок	130
Первый лагерь	135
«Спасите советского историка...»	138
Пассионарность и Пассионария	141
Шпенглер и Гумилев	144
Шопенгауэр и комариные песни	147
«Я был один под вечной вьюгой...»	149
Глазами барона Мюнхгаузена	153
Писатель Гумилев	157
Новое Средневековье	164
Город женщин	168

ЧАСТЬ IV

Бритва и Страшный суд	173
Веселый солдат	176
Две военные загадки	186
«Европа надоела до чертиков»	189

ЧАСТЬ V

Возвращение в Ленинград	194
Осьминог	200
Защита диссертации	208
Двойник Гумилева	213
Гумилев и его дамы	217
Удивительнейшая из птиц	223

ЧАСТЬ VI

Арест 1949	239
Старичок профессор	244
Камышовый лагерь	245
Плоды просвещения	249
История Срединной Азии	253

Всемирная история	257
«На люгне струна...»	260
Этнографический заповедник	263
Почтовый роман	268
Эмма	281
Конфуцианские письма	285
Неконфуцианские письма	289
На пути к «Замку»	292

ЧАСТЬ VII

Невстреча	298
Бессмысленно и беспощадно	301
Версия Гумилева	306
Версия Ахматовой	311
Плодоносящая смоковница	313

ЧАСТЬ VIII

В цветном мире	318
Советское востоковедение	321
Савицкий	324
Хунну	327
Кто виноват?	334
Докторская диссертация	338
Навоз на заднем дворе, или Гению всё дозволено	340
Академический бестселлер	343

ЧАСТЬ IX

Страшная тайна Восточной Европы	349
Друг бесценный	353
Открытие Хазарии	356
Подводная археология	361
Итиль и Семендер	367
Время, назад!	370
Почему Гумилев не попал в «Анналы»?	373

ЧАСТЬ X

«Пунические войны»	377
Завещание Ахматовой	382
«Какое злодейство...»	386

ЧАСТЬ XI

Троян как Уч Ыдук	391
Глава № 13	394
Перфектологический роман?	398
Повседневная жизнь советского ученого	408
Старший научный сотрудник	415
Несоветский человек	422

ЧАСТЬ XII

Что такое этнос?	426
Этнос как система	430
Этногенез	435
Фазы этногенеза	436
Пассионарии, гармоничные люди, субпассионарии	441
Пассионарность в этногенезе	445
Пассионарность и естествознание	447
Между Зубром и Львом	451
Возмутитель спокойствия	457
«Надвое рассеките признающих два естества!»	461
Ландшафт и этнос	463
Трамвайный анекдот и академический институт	467

ЧАСТЬ XIII

Самая страшная книга Гумилева	470
Химера на Хуанхэ	472
Мультикультурная химера	475
«Распался железный обруч...»	477

ЧАСТЬ XIV

Комплиментарность	483
Серебряные часы и Аркольский мост	487
Вторая докторская	491
Скандал в Музее этнографии	494
Универсальное оружие	496

ЧАСТЬ XV

Этногенез и биосфера	502
Православный еретик?	506
Гумилев и демоны	512
«Лучший друг Сатаны»	515
Антисистема	518
Гумилев, Филонов и Заболоцкий	521
Лекции Гумилева	524
Начало популярности	533

ЧАСТЬ XVI

Новая квартира без старых друзей	536
Верный ученик	543
Малый двор	548
«Мера всему — четвертинка»	557

ЧАСТЬ XVII

Марксистская мысль	562
Русская партия	565
«Зигзаг истории»	567
Гумилев и евреи	574

ЧАСТЬ XVIII

Миролюбивые завоеватели	585
Как убивают гостей	587
«Великий кавалерийский рейд»	590
«Память»	592
Писатель против сочинителя	595
Татаро-монгольское иго	598
Нечто полосатое	601
Черная легенда и светлый миф, или Ненаучная фантастика	604
Арслан-бей	607

ЧАСТЬ XIX

Глухие годы	611
Бармалей	613
Две теории, или Несколько слов о плагиате	617

О пользе чтения	619
Смерть с газетой в руках	622
Из-под глыб	625
Между юбилеями	629
Высокий покровитель	632
Время Гумилева	635

ЧАСТЬ XX

«От Руси до России»	642
Евразийство	648
Гумилев и евразийцы	657
Змей Тугарин	660
Евразийское братство	663
Бой после победы	667
Гибель империи	670
Российский суперэтнос и Средняя Азия	674
Монархист и демократ	679
Невзоров	682

ЧАСТЬ XXI

Прощание с Петербургом	686
Гумилев и животные	689
Последние дни	692

ЧАСТЬ XXII

Без наследников	697
А где же наука?	700
Дугин и Гумилев, или Фальшивый наследник	705
Нищета философии	710
Комедия ошибок	713
Историки и Гумилев	716
Гумилев и Запад	722
Эпилог	727
Именной указатель	730
Библиография	766